

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ АРМЕНИИ И ИМПЕРАТИВЫ НОВОЙ ЭПОХИ

Рачья Арзуманян

Обсуждаются теоретические аспекты трансформации военной сферы Армении, которая должна происходить на основе армянского видения войны, но с использованием достижений военной мысли и организационного опыта других государств. Концепции подобной трансформации опираются на парадигму нелинейности и теорию сложных адаптивных систем, лежащих в основе новых концепций войны – таких, как сетевые войны и операции, ориентированные на достижение эффектов.

Важнейшим элементом новых концепций является человеческий фактор и любая трансформация военной сферы должна начинаться с признания сложной и человекоцентричной природы войны, что предполагает неизбежные изменения в военной культуре. Трансформация оказывается сложным и динамичным процессом, успешность которого, во многом, зависит от способности общества найти баланс между креативностью, готовностью к инновациям и неизбежной инерционностью военной организации.

Введение

Процессы глобализации изменяют геополитический ландшафт и международную среду безопасности, вынуждая народы и страны, реагировать на новые угрозы и вызовы. Мир 21 века качественно изменился и стал сложнее, в нем появилось множество асимметричных угроз, противостояние которым на основе институтов и концепций индустриальной эпохи становится в лучшем случае неэффективным, а чаще просто невозможным. Появляется настоятельная необходимость в пересмотре традиционных моделей войны и конфликта и разработки новых, позволяющих описать континуум войны 21 века. Существующие методологии и метрики оценки опасностей и угроз, позволяющие дать количественную оценку эффективности мероприятий в области военного строительства, оказываются неэффективными или просто неадекватными формирующейся новой глобальной среде.

Для формирования адекватного отклика на вызовы новой эпохи общество, государство и его военная организация вынуждены трансформироваться, что превращает трансформацию военной сферы Армении¹ в жесткую необходимость. Чтобы соответствовать новой эпохе, ее вызовам и угрозам, Армения должна инициировать военные реформы, опираясь при этом на достижения военной мысли и организационный опыт других армий и государств. Попытки прямого копирования чужих схем и концепций изначально оказываются обреченными на провал, так как не оставляют шансов догнать стремительной изменяющийся мир. Трансформация военной сферы Армении должна происходить, на основе армянской военной логики и видения войны с опорой на потенциал и возможности Армянского мира.

Внешние императивы трансформации оказываются дополненными внутренними. Вооруженные силы Армении вошли в 21 век, имея статус наиболее боеспособных на Южном Кавказе. Задача его сохранения является важнейшим условием поддержания сложившегося баланса сил в регионе. Ее решение не может быть достигнуто только через количественное наращивание военного потенциала, но требует качественного скачка, обеспеченного соответствующей теоретической базой. Армянская армия должна совершить скачок к вооруженным силам 21 века. Это сложная задача, предполагающая инициирование, на первый взгляд, двух взаимоисключающих процессов – сохранение паритета и баланса сил в регионе и, в то же время, качественные изменения в военной организации Армении. Невыверенные шаги и непродуманные реформы могут иметь фатальные последствия для возрожденной армянской государственности. Отказ от реформ и качественных изменений, с другой стороны, также приведет, со временем, к изменению сложившегося баланса сил в регионе. Фактически, Армения стоит перед дилеммой качественных реформ и военной революции или же неизбежных уступок.

Понимание необходимости трансформации военной сферы Армении и разработки ее теоретических основ делает необходимым анализ опыта других стран, совершающих скачок к вооруженным силам 21 века. Концепции подобной трансформации опираются на парадигму нелинейности и теорию сложных адаптивных систем, на основе которых разрабатываются новые концепции войны, такие как сетцентричные войны (СЦВ) и операции ориентированные на достижение эффектов (ОДЭ-операции).

Важнейшим элементом новых концепций является не только и не столько технологии, но человеческий фактор и любая революция в военном

¹Здесь и далее под Арменией понимаются два армянских государства, – республика Армения и Нагорно-Карабахская Республика, составляющие единое целое в культурном и военно-стратегическом пространствах.

деле и трансформация военной сферы должна начинаться с признания сложной и человеко-центричной природы войны. Это, в свою очередь, означает неизбежные изменения в военной культуре, охватывающие, в частности, военное образование, систему подготовки и переподготовки военных кадров и пр.

Трансформация, таким образом, начинается и заканчивается в культуре и получает свое отражение в системе ценностей общества, поведении его членов. Во что верит народ, каково его видение своего будущего, – все это, безусловно, сказывается на трансформации, которая оказывается сложным и изменяющим самого себя динамичным процессом, успешность которого, во многом, зависит от способности общества найти баланс между креативностью, готовностью к инновациям и неизбежной и наследственной инерционностью военной организации.

1. Глобализации и изменение среды безопасности в 21 веке

1.1. Глобализация

Глубина процессов глобализации, охвативших весь мир и протекающих порой болезненно, не позволяет рассматривать их как только технологический или экономический феномены. Глобализация включает в себя социальный и политический аспекты, затрагивающие, в той или иной степени, не только социальную и политическую структуры общества, но и отдельную личность. И если степень вовлеченности того или иного общества в процессы глобализации может быть предметом дискуссии, то сама вовлеченность уже не вызывает сомнений. Более того, есть множество симптомов того, что коренное изменение Запада, инициировавшего нынешний этап глобализации, приводит к изменению самой западной идентичности, неизбежно меняя наши представления о личности, социуме и государстве [64, pp.2-12]. Имеются все симптомы того, что данные процессы, в некотором смысле, вышли из-под контроля общества и явно превышают способность государства контролировать или направлять их. Глобализация все более оставляет впечатление самодостаточного процесса, имеющего свою внутреннюю логику и динамику, которая достаточно тяжело поддается контролю и тем более направлению. Скорее наоборот, – процессы глобализации вынуждают экономики государств и само государство, общество в целом изменяться, адаптируясь к непрерывно изменяющемуся миру.

Порой появляется соблазн представить процессы глобализации как ре-

зультат сознательной и целенаправленной деятельности Запада, реализующего некий большой проект [53, pp. 4-5]. Причем такой подход можно наблюдать не только в странах третьего мира, в Исламском мире, но и, на самом Западе. Историк Тони Джадт в монографии «После войны», посвященной истории Европы после 1945 года, пишет: «На заре 21-го столетия Европа являет собой идеальный образец международных добродетелей: это сообщество, основанное на ценностях... пример для подражания, на который ориентируются как сами европейцы, так и жители других континентов¹ [28]». Причем такая репутация, согласно Джадту, является «вполне заслуженной». Сходное видение мира можно наблюдать и у идеологов английских «новых лейбористов». В своем манифесте «Почему Европа будет управлять 21-м столетием»² [37] Марк Леонард (*Mark Leonard*), пишет: «Представьте себе мир, где царят спокойствие, процветание и демократия. ... То, что я предложил вам вообразить, – это «Новое европейское столетие»... Европа представляет собой синтез двух начал: динамизма свободы, проистекающего из либерализма, и благосостояния, проистекающего из социальной демократии. По мере того как мир становится богаче и идет дальше простого удовлетворения первичных нужд: утоления голода и охраны здоровья – европейский образ жизни будет становиться все более неотразимым». И далее: «По мере того как Индия, Бразилия, Южная Африка и особенно Китай развиваются экономически и выражают себя политически, европейская модель будет становиться все более привлекательной формой укрепления благосостояния и социального обеспечения этих стран. Они присоединятся к Евросоюзу в построении «Нового европейского столетия».

Однако реальность выглядит несколько иначе. Если бы мы, сталкивались с сознательной деятельностью и проектом, то как стимулирование процессов глобализации, так и противодействие им представлялась бы гораздо более простой задачей. На самом деле, мы имеем дело с процессами, обладающими своей логикой, черпающими силы непосредственно в самом обществе и в новых технологиях и создающих новую реальность, с которой приходится считаться как политической сфере, так и всем другим традиционным составляющим власти и социуму в целом [53, p. 5].

Зародившись и став самодостаточной глобализация приводит к бурному развитию и непрерывному усложнению экономической сферы. Как следствие, все более и более усложняется система государственного регулирования и политическая сфера общества, что, в свою очередь, неизбежно оказы-

¹ Цитата дана по [72], оригинал статьи [3].

² Цитата дана по [72], оригинал статьи [3].

вает влияние на экономику и социальную сферу. Общество в 21 веке представляется в виде системы с многочисленными обратными связями, в прямой цепи которой находится экономическая сфера, но не политика и тем более не идеология. Последние пытаются выполнять роль регуляторов, но никак не инициаторов разворачивающихся процессов. Процессы управления обществом, регулирования общественной жизни и экономики на основе традиционных механизмов иерархии оказываются в состоянии «догоняющих», пытающихся «обуздать» все время убегающую вперед глобализацию.

В настоящее время можно достаточно четко выделить два вектора развития процессов глобализации. Первый связан с реальным появлением информационных обществ, относящихся к цивилизации третьей волны [56] и второй, – это неумолимое изменение традиционных социальных систем и обществ [49, pp. 145-169]. И если первый феномен относится только к развитым странам, то второй охватил практически весь земной шар. Влияние процессов глобализации на культуру привело к появлению нового феномена – массовой культуры, которая также является скорее следствием развития электронных СМИ и культурных процессов, нежели идеологии [73, pp. 123-153].

Агрессивное вторжение глобализации в традиционные общества не может не вызвать ответной реакции на широком диапазоне. Некоторые из обществ и культур такие как японская, китайская, индийская адаптируются, формируя адекватный отклик на вызовы глобализации. Другие, не выдержав натиска, надламываются и, постепенно растворяясь, ассимилируются в новом глобальном мире, теряя свою самобытность. Ряд культур выбирают путь активного противодействия глобализму и те или иные формы деструктивной и разрушающей реакции. Исламский мир и исламский терроризм, в том виде в каком он проявился в 21 веке, является одной из манифестаций такой реакции и проблем, с которыми будет сталкиваться глобальный мир¹.

Новые угрозы формирующемуся глобальному миру и существующей мировой политической системе могут исходить и от обществ, социальных групп и личностей, которые сознательно или неосознанно выключаются из процессов глобализации [11, p. 1]. Опыт Северной Кореи и Афганистана позволяет увидеть, как изоляция или самоизоляция того или иного общества, в конечном счете, оборачивается кризисом. Все возрастающая скорость мирового развития приводит к тому, что общество, выключенное из глобализационных процессов, неизбежно начинает отставать. Со временем разрыв только

¹ Например Альберт Гурани (*Albert Hourani*) описывает экономическую, религиозную и культурную реакции Арабского мира на вторгающуюся западную культуру. Он, в частности, ссылается на Саид Купта (*Sayyid Qutb*), который еще в 1964 призывал к джихаду «не только для защиты, но разрушения ложных богов и убиения всех преград, мешающих людям принять Ислам» [26, pp. 445-446].

увеличивается, превращая задачу его возвращения в отдельную и довольно болезненную проблему.

Парадокс глобализации заключается в том, что объединяя и делая мир более прозрачным и открытым, он предоставляет в руки отдельных социальных групп или даже личностей практически неограниченные возможности воздействовать на него. Социальные группы сегодня могут быть транснациональными и даже виртуальными, поддерживающими свою идентичность при помощи Сети. Наибольший вызов несут с собой сообщества, остающиеся локальными по своим ценностным критериям и в то же время включенные в мировое сообщество и использующие его преимущества [65].

Открытость неизбежно несет с собой и новые, более тонкие, угрозы, которые оказываются вне традиционных систем безопасности. Существующие методологии и метрики оценки опасностей и угроз, позволяющие дать количественную оценку эффективности тех или иных мероприятий, оказываются неэффективными или просто неадекватными формирующейся новой глобальной среде 21 века.

1.2. Информационное пространство и новая среда безопасности

В свое время Альфред Мэхэн (*Alfred Thayer Mahan*) определил открытое море, обеспечивающую международную торговлю и коммуникации, как «общее пространство» (*a wide common*) [47, pp. 5-46]. Народы и государства стремились получить или улучшить выход к морю, так как именно данный фактор являлся основой конкурентоспособности общества, создавал необходимые предпосылки для получения регионального или глобального преимущества. Во многом именно доступ к морю и международным торговым коммуникациям становился необходимым условием успешного развития страны, и через воспрепятствование такому выходу или его контроль мировые центры власти решали проблему баланса сил на мировой или региональной аренах. Контроль данного пространства, фактически, был равносильен «владению морем»¹. Мэхэн не смог предугадать освоение воздушного и космического пространства, но, скорее всего, он согласился бы с распространением своей концепции на воздушную среду и космос².

В 21 веке мы наблюдаем формирование новой среды и уже информационного пространства, стремящегося взять на себя частично или даже полностью функции, которые на протяжении многих веков принадлежали морю. При этом речь идет не просто об Интернете, национальных и глобаль-

¹ Термин «господство на море» (*Command of the sea*) ввел в широкий оборот Пол Кеннеди в работе [30].

² Дискуссию по данному поводу можно найти в [47].

ных информационных инфраструктурах. Новая среда включает домены информации и когниции, опирающиеся на всю масс-медийную среду а также финансовую сферу [11, pp. 7-8]. У нового пространства много общего с предшественником и оно уже стало международным доменом торговли и коммуникации, влияя на позиции страны в мировой властной иерархии. Усиление позиции страны в информационном пространстве увеличивает удельный вес традиционных элементов национальной мощи, – дипломатии, военной, экономической сфер. Информационное пространство прочно заняло место в списке базовых элементов национальной мощи¹.

Однако новая среда имеет и важные отличия. В первую очередь это касается стоимости доступа, который оказывается несравненно ниже чем у моря. Кроме того, информационное пространство, во многом, контролируется не нациями или государствами, но корпорациями, институтами и даже отдельными личностями. И, если морское, воздушное пространства определяются и ограничиваются соответствующей физической средой, информационное не имеет размерности и расширяется в геометрической прогрессии, причем данный рост мало связан с какими либо физическим ограничениями или пределами. И, наконец, неотъемлемой частью новой среды является человеческая личность, приносящая с собой креативность и культурную составляющую, описываемые в терминах информация, восприятие, когниция, вера и пр. Это превращает информационное пространство в сложную операционную среду, качественно отличающуюся от предшественников [11, p. 8].

Борьба за 21 век и будущее разворачивается на непрерывно изменяющемся ландшафте глобального мира, когда разнообразные вызовы безопасности исключают простые решения. Чтобы оставаться адекватными мы не только должны изучать природу происходящих изменений но, что гораздо важнее, признать что скорость данных изменений возрастает и не существует какой-либо одной глобальной силы или центра власти, способного контролировать или направлять их.

Появление новой среды, меняющей условия конкуренции и борьбы, не может не сказаться на политической сфере, с которой она имеет схожие черты. Связь политической победы нации с предпринимаемыми усилиями не является прямой и не может быть выражена только в физических терминах и оценках. И точно также как политическая победа или поражение оказывают

¹ Современная военная доктрина США различает четыре категории мощи, имеющиеся в распоряжении нации: дипломатическую, информационную, военную и экономическую (часто используется аббревиатура *DIME* (*diplomatic, informational, military, and economic power*). До последнего времени в качестве отдельной категории использовалась и социально/психологическая мощь, а также политическая, которые объединены в настоящее время с информационной и дипломатической, что не совсем правомерно. См. [6, p. 84].

влияние на общество в целом, победы или поражения в информационном пространстве также влияют на элементы национальной мощи и все общество. Очевидно, что информационное пространство не отменяет борьбы в традиционных сферах, но она может повлиять и влияет на эффективность данной борьбы, и, следовательно, на условия достижения политической победы в 21 веке. Это означает, что среда безопасности в 21 веке оказывается качественное более сложной и требующей осмысления.

Изменения среды безопасности не могли не сказаться на войне и конфликтах, являющихся имманентными свойствами нашего мира и паттернами поведения, которые наблюдаются на всем протяжении человеческой истории. И если природа войны остается фундаментально неизменной, то этого нельзя сказать о ее характере. Война представляет собой как политическое действие, так и социальный институт и ее характер и формы неизбежно меняются вместе с изменением эпохи, обществ, политических систем или технологий¹.

Чтобы оставаться адекватными, вооруженные силы в 21 веке должны адаптироваться к новым условиям, хотя не вызывает сомнений тот факт, что решения, связанные с процессами глобализации, лежат, в первую очередь, в политической, социальной и экономической сферах, но не военной². Глобализация изменяет геополитический ландшафт и среду безопасности, вынуждая нации определяться какими должны быть ее военные возможности, которые позволили бы ей справиться как с старыми, так и новыми вызовами. При этом уже явно видно, что они должны обеспечивать политическое использование военного инструментария уже на гораздо более широком диапазоне сценариев, нежели это было принято раньше [11, р. 9]. Вооруженные силы сегодня вынуждены решать задачи, которые ранее не относились к компетенции армии и военных.

Мириады связей, пронизывающие современный глобальный мир, делают неадекватными традиционные подходы к построению вооруженных сил и военной организации государства, ориентированные на государственных акторов и систему безопасности 20 века. Свою лепту в создание среды безопасности 21 века вносят новые элементы, – негосударственные акторы, несостоявшиеся государства, международная террористическая сеть и активность, криминальные организации и пр., для которых идеологические, культурные, политические и прочие границы 20 века являются пористыми и проницаемыми [65]. В новых условиях военная сила не может рассматриваться исключительно в терминах межгосударственной войны и еще уже –

¹ Проблема взаимоотношения природы и формы войны затрагивается в работе [74, pp. 109-149].

² Такое понимание не является чем-то новым и его можно встретить, например, в [70, р. 15].

больших военных операций.

Другой аспект проблемы заключается в том, что несформулированность новых подходов к роли вооруженных сил в 21 веке не отменяет их влияние на складывающуюся среду безопасности. Разнообразная военная активность в любом случае воздействует на формирующуюся среду, которая оказывается пластичной и подверженной изменениям. И в то же время отсутствие активности парадоксальным образом может оказывать воздействие, как на ситуацию, так и среду в целом, производя эффект, который по своим последствиям может превосходить любое из действий. Классическим примером такого невмешательства может служить мюнхенский договор 1938 года и решение Британии и Франции отказать в помощи Чехословакии [54, р. 3].

В таких условиях множество хорошо проработанных и формализованных инструментов, индустриальной эпохи, классические вооруженные силы и военная организация государств в целом оказываются просто неадекватными новому стратегическому контексту. Так как изменения носят качественный характер, то военная организация не может быть приведена в соответствие с ней через некие количественные изменения, охватывающие только военную составляющую национальной безопасности. Так как среда безопасности оказывается сложной и непрерывно изменяющейся, то невозможно говорить о полном знании и осмыслении всех вызовов и угроз, многообразие которых делает необходимым введение некоторой классификации, позволяющей выставлять приоритеты и балансировать неизбежные риски. В первом приближении вызовы и угрозы могут быть разделены на традиционные, иррегулярные, разрушающие и катастрофические [11, р. 2].

В новой среде безопасности определяющими становятся следующие характеристики военной активности:

- многомерные военные операции и кампании такие как в Афганистане, Ираке становятся скорее нормой, нежели аберрацией;
- как сами акторы, так и взаимодействия могут иметь глобальный или локальный характер, быть симметричными или асимметричными, государственными или негосударственными;
- взаимодействия невозможно разделить и классифицировать, с четким выделением политической, военной, социальной или экономической составляющей.

Многомерные военные операции 21 века по разному воспринимаются широким спектром, наблюдателей, – от союзников до противников и заранее сказать какой именно аспект окажется решающим невозможно. Более того,

часто именно взаимодействие различных факторов становится решающим как в самом протекании военной кампании, так и его результатах [54, р. 3].

Новая среда безопасности ставит перед армянской государственностью две, на первый взгляд, противоречивые задачи, которые должны решаться параллельно. С одной стороны Армения должна продолжать строительство и укрепление иерархии государственной власти, и, в то же время, отдавать себе отчет в том, что необходим качественный скачок, трансформация и переход к парадигме 21 века. Процесс такого перехода будет осуществляться на фоне все более и более ускоряющихся процессов глобализации, сокращающих циклов выработки и принятия решений.

Размах и скорость происходящих изменений принуждают военную организацию государства становиться более гибкой, чтобы быть в состоянии оперировать в качественно более сложной среде, а адаптабельность становится критическим требованием не только развития, но и выживания. Чтобы быть адекватными глобальному миру, вооруженные силы должны стать адаптивным инструментом национальной мощи, обеспечивающим его политическое использование на широком спектре угроз и сценариев. Военная теория 21 века, позволяющая справиться со сложностью новой среды безопасности, неизбежно опирается, в той или иной форме, на парадигму нелинейности и теорию сложных адаптивных систем.

1.3. Теория сложных адаптивных систем и континуум войны

Картина земного шара, открывающаяся из космоса, поражает. Материки и океаны периодически закрываются облаками, непрерывно изменяя общую картину и не позволяя говорить о какой-то предсказуемости и постоянстве. Формирующиеся образы причудливо меняются, отсутствует какой-либо порядок или упорядоченность, позволяющие предугадать, как будет выглядеть планета через некоторое время. Вид Земли из космоса может служить метафорой мирового сообщества, в которой личности, социальные группы, вооруженные силы и государства непрерывно взаимодействуют, изменяя общую картину. Мировая система, как и планета, сложна и непрерывно изменяется, как результат взаимодействий, взаимной адаптации и коэволюции, происходящих на множестве уровней и арен – от отдельного человека до обществ и международной системы в целом. Как результат, границы в мировом сообществе во всех его культурных, идеологических, интеллектуальных или экономических измерениях оказываются подверженными изменениям [54, р. 1].

Приведенный выше пример показывает важность использования метафоры и аналогии при рассмотрении сложных явлений и проблем. Более то-

го, метафоры и аналогии становятся интегральной частью интуитивного понимания и инструментом, используя который, человек справляется со сложными вызовами¹. Они находятся в основе механизмов так называемого естественного принятия решений (*naturalistic decisionmaking*), выстроенных на основе понимания того, как военные или Уолл-Стрит принимают решения в условиях цейтнота². В нелинейном взаимосвязанном мире 21 века соперничество и конфликт являются не аномалией, но нормой, которую пытается отобразить теория сложных адаптивных систем. Через состояния мира, кризиса и конфликта сложные социальные системы взаимодействуют и реагируют на активность друг друга, изменяясь и изменяя среду.

Тем не менее западное военное мышление и восприятие войны обществом остается во многом линейным. Мы ожидаем, что одни и те же действия или усилия будут вызывать схожие реакции, что мы в состоянии проследить причинно-следственную цепь, связывающую исходный стимул, причину с эффектами и следствиями, которые наблюдаются. Это, во многом, является следствием и отражением господства на протяжении веков в западном мире линейной парадигмы [73, pp. 123-153]. Линейное видение мира оставалось адекватным периоду холодной войны и мировой политической системе, выстроенной вокруг противостояния двух сверхдержав, позволявшей свети мир к черно-белой модели [15, pp. 8-9].

Западное военное мышление по-прежнему предпочитает искать линейные, предсказуемые ответы на линейные проблемы, в сложном и нелинейном мире, в то время как война, будучи сложной адаптивной системой (САС), остается фундаментально непредсказуемой [17, p. 26]. Подробное рассмотрение основных положений и аппарата теории САС планируется провести в отдельной работе. Описание теории САС, без привлечения сложного математического аппарата, позволяющего получить необходимые представления о ней, можно найти в работах Митчелла Уолдропа (*Mitchell Waldrop*) [66], Джона Холланда (*John Holland*) [24]. Томас Цервински (*Thomas Czerwinski*) рассматривает применение формального аппарата теории САС в военной сфере [15]. В рамках теории САС война интерпретируется как столк-

¹ Использование метафор в военной сфере в контексте теории сложных адаптивных систем обсуждается в частности в [27].

² Гарри Клейн (*Gary Klein*) прикладной когнитивный психолог являющийся пионером направления исследующего принятия решений на основе распознавания паттернов, качественно отличающегося от принятия решений на основе линейного военного мышления и больше соответствующего принятию решений на поле боя пишет: «Пришло время согласиться, что теории и идеалы принятия решений, которых мы придерживались последние 25 лет, оказались неадекватными и вводящими в заблуждение, приводящими к созданию бесполезных инструментов принятия решений, неэффективных программ боевой подготовки и неадекватных доктрин...» [31, pp. 56-64].

новение систем, в котором каждая из них старается сохранить свою целостность и адаптироваться к брошенным вызовам на основе внутренних процессов таких, как обучение и самоорганизация. Адаптация происходит в формах, которые невозможно заранее предсказать, как и само поведение САС [19, pp. 3-28], и взаимодействия и вызовы не ограничиваются только войной, но включают широкий контекст мира и кризиса, охватывая политическую, экономическую и другие арены и сферы общественной жизни [43].

Феномен непредсказуемости сложных адаптивных систем хорошо виден на примере истории войн, когда невозможно достаточно уверенно и точно объяснить почему именно этих условиях и при таком уровне боевых потерь происходил надлом воли одной из воюющих сторон, исключая дальнейшее сопротивление и приводящий к коллапсу. Для каждого из конфликтов в истории человечества порог надлома оказывается уникальным и своим.

Приведем три исторических примера. Первый – блицкриг 1940, когда воля к борьбе Франции оказалась слабой практически на всех уровнях военно-политического руководства страны. Как результат, организованное военное сопротивление было очень быстро сломлено, хотя военные возможности и материальные ресурсы позволяли продолжать сопротивление¹. Более глубокий взгляд на французский пример показывает, что блицкриг достиг успеха, в том числе, благодаря психологической слабости руководства Третьей Республики и глубоким трещинам в французском обществе и расколом, берущим свое начало со времени образования Третьей республики в 1872 [52]. Однако воля народа не была окончательно сломлена, и общество было готово продолжить борьбу, так как оставалась надежда переломить ситуацию и достичь победы, о чем свидетельствует последовавшее за капитуляцией движение Сопротивления.

Второй пример связан с Первой мировой войной. Страны Союза центральных держав, в особенности Австро-Венгрия и Османская Империя, выстояли четыре тяжелых года, несмотря на огромные потери. Однако к лету 1918 воля к победе оказалась настолько истощенной, что произошел надлом и сопротивление прекратилось до того, как страны Союза были завоеваны Антантой. Причем коллапс происходил на фоне наличия организованных военных полевых сил.

И третий случай – это пример Германии и Японии во Второй Мировой войне, когда, несмотря на огромные потери, практически полное уничтоже-

¹ Ко времени капитуляции французского правительства был разработан план, предусматривающий перемещение центра французского сопротивления вместе с французским флотом и той частью армии которую можно было вывезти в Северную Африку, где уже имелись достаточные французские вооруженные силы [13].

ние военного потенциала, обе страны до последнего продолжали оказывать ожесточенное сопротивление [53, р. 27]. И в то же время после поражения в этих странах практически отсутствовало сопротивление, так как не было надежды, что в ближайшей перспективе можно изменить сложившуюся ситуацию [36, р. 180].

Данные примеры позволяют говорить о континууме войн, в котором те или иные военные кампании представляются в виде точки. На одном краю данного континуума находятся случаи, аналогичные Дании, которая приняла германскую оккупацию в 1940 году без оказания какого либо сопротивления, на другом – ожесточенное и обреченное сопротивление немцев в Берлине, японцев в Окинаве в 1945.

Непредсказуемость САС делает уместным использование таких терминов как интуиция, при попытках предсказать ее поведение. Развитие САС порой выглядит просто мистическим и об этом, в частности говорит Марис Мак-Грabb (*Maris McCrabb*) [40]. При этом становятся неопределенными причинно-следственными связи между стимулом и реакциями, которые могут быть как прямыми, так и непрямыми, открытыми, наблюдаемыми и латентными. Например, мы никогда не узнаем, какие именно действия коалиционных сил вынудили капитулировать Милошевича в Косово [25]. Во всех подобных случаях мы должны руководствоваться максимой Аристотеля – «рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, сообразной предмету, подлежащему [рассмотрению]... человеку образованному свойственно добиваться точности для каждого рода [предметов] в той степени, в какой это допускает природа предмета» [76, pp. 55-56], накладывающей ограничения на процесс изучения, разработки и планирования САС.

Мы никогда не будем в состоянии досконально знать систему и однозначно предсказать ее реакции на те или иные стимулы. Более того, САС в состоянии меняться как результат наших попыток изучить ее и меняться непредсказуемым образом. Знание того, каким образом ведет себя система при известных стимулах, не означает, что мы можем ожидать аналогичных реакций и в будущем в схожей ситуации. Все, что мы можем сделать, это ограничить теоретически бесконечно множество возможных реакций и говорить о подмножестве наиболее вероятного поведения [54, р. 75]. Понимание того, что речь идет о вероятностях и критериях, не поддающихся формализации, позволяет понять, каким образом мы можем разрабатывать, планировать и адаптироваться к таким системам. Это подводит нас к выводу, что, работая с САС, мы должны говорить не о проектировании или предсказании ее поведения, но адаптации [17, pp. 26-29]. В работе «Адаптивность в национальной

обороне» Пол Девис (*Paul Davis K.*), Дэвид Гомперт (*David Gompert*) и Ричард Куглер (*Richard Kugler*) показывают, каким образом данный вывод скажется на процессе оборонного планирования на высоком уровне [16]. Другим свойством САС, приводящим к непредсказуемости, является ее «неуважение» к иерархии. Небольшие события на микроуровне в состоянии повлиять на события и решения на макроуровне. Справедливо и обратное, когда, например, слова и поведение лидеров, минуя властную иерархию, оказывают непосредственное влияние на поведение рядового состава.

Сложность и непредсказуемость, которую мы видим в сложных адаптивных системах не является чем-то новым для военной мысли. О ней много пишет Клаузевиц, который говорит о войне как о противоборстве (*zwei-kampf*) двух борцов [74, pp. 109-149]. Данная метафора хорошо может быть описана в рамках модели взаимодействия САС, причем ее можно продолжить и не ограничиваться только схваткой противников равной силы, но рассматривать и асимметричные конфликты, в которой каждая из сторон вступает непрерывно в контакт, с целью обнаружить и использовать уязвимые стороны противника. Теория САС говорит, что каждая из сторон, участвующая в противоборстве, будет придерживаться выбранной стратегии и тактики, пока они позволяют ей справляться с вызовами противной стороны, в том числе, через механизмы адаптации. Когда выбранный курс действий перестает отвечать реальности, он меняется, с использованием имеющихся в распоряжении возможностей и ресурсов, – как чисто военных, так и политических, экономических и проч. Такое поведение демонстрируют все стороны конфликта, и процесс адаптации курса будет инициироваться вновь и вновь, от одного столкновения к другому, пока не будет найден удачный, позволяющий нанести окончательное поражение противнику, или одна из сторон не исчерпает имеющийся в его распоряжении возможности выбора (опции), интеллектуальные, психологические или физические ресурсы [54, p. 59-60].

Формирование реакции на брошенные вызовы через процессы адаптации может быть описано в терминах обучения и инновации. Барбара Тучман (*Barbara Tuchman*) в книге «Марш глупости» дает серию исторических примеров того, как принимающие решения оказывались не в состоянии обучаться и не были готовы к инновациям, которые позволили бы справиться с изменяющимися условиями. В результате реализовывалась саморазрушительная политика, которая выглядела как одна большая глупость [58, pp. 380-387]. Уильям Дугган (*Duggan, William*) в книге «Стратегическая интуиция» [18] рассматривает роль и значение стратегической интуиции и стратегических инноваций. Автор описывает, каким образом достигается стратеги-

ческая интуиция, ее важность для осуществления прорывов в область неизведанного и при решении незнакомых проблем. Дугган проводит различие между интуицией эксперта и стратегической интуицией. Интуиция эксперта работает относительно хорошо известной и изученной области и проблеме и предполагает тактические действия, стратегическая – стратегическая действия. «Интуиция эксперта работает для обычных ситуаций... стратегическая интуиция для незнакомой» [18, р. 7]. Быстро и к месту найти правильный ответ и выбрать правильную тактику – это сущность интуиции эксперта. Стратегическая же интуиция отличается от экспертной в трех ключевых моментах. Во-первых, она применяется к новой ситуации и незнакомой проблеме, во-вторых, она работает на другом временном масштабе и нет временного цейтнота, в-третьих, она использует множество уже существующих тактик и подходов в новой комбинации.

Таким образом, теория САС, вне зависимости от того, что рассматривается – страна, армия или личность, предлагает только один эффективный подход, позволяющий обеспечить эффективность системы при столкновении с другими САС и вызовами среды, – быть в состоянии учиться, извлекая уроки как из успехов и побед, так и неудач и поражений, конвертируя полученные знания и опыт в инновации. Только так можно справиться с непрерывно изменяющейся средой и противником. Такая адаптивность предполагает приращенную способность личности, организации учиться, и, что гораздо важнее, свободу инноваций, то есть способность применять новые идеи.

Отношение к военной реальности как к явлению, полному хаоса и неопределенности, кажущиеся непреодолимыми для долгосрочного военного планирования, совпадает с представлениями о войне ветеранов. Опыт участников боевых действий говорит им, что «в реальном мире» не присутствуют все те соотношения и закономерности, которые хотят навязать ему штабисты и военные планировщики всех уровней. Для них военная операция нелинейна, непредсказуема и сложна, и поле боя представляет собой разительный контраст с тем предсказуемым, управляемым и количественным операционным полем синтетических моделей штабистов. Именно сложная реальность боя и войны делает ветеранов скептиками относительно возможности трансформации и военной революции в целом [54, pp. 57-58]. Боевой опыт говорит им, что никакие технологии не в состоянии избавить нас от «трения» и «тумана» войны, а попытки преодолеть или игнорировать эти фундаментальные характеристики могут иметь фатальные последствия [67, pp. 27-32; 9, pp. 59-90]. И, в конечном счете, никто не в состоянии абстрагироваться от человеческого измерения войны и максимы, что войны ведутся людьми и выиг-

рываются в мозг (голове) противника [22, pp. 22-25].

Непредсказуемость поведения САС обеспечивает точку конвергенции между теорией САС и боевым опытом. Как ветераны войны, так и теоретики сложности предупреждают, что в мире сложных адаптивных игроков внезапность становится нормой. Чтобы справиться с ней или хотя бы ограничить силу неизбежного шока и его длительность при столкновении с неожиданным развитием ситуации, мы обязаны не только рассматривать противника в качестве умного оппонента на всех уровнях военного противоборства, но также учитывать все возможности и средства, которые он будет использовать в борьбе. Адаптивная природа противника приводит к выводу, что у нас должны быть множество вариантов и сценариев реагирования на складывающуюся ситуацию, а также стремительность перехода от одного сценария к другому. Именно наличие множества выборов (опций) и стремительность перехода от одной опции к другой, вынуждающая противника обратиться к оборонительной стратегии, становится ключом к победе в 21 веке.

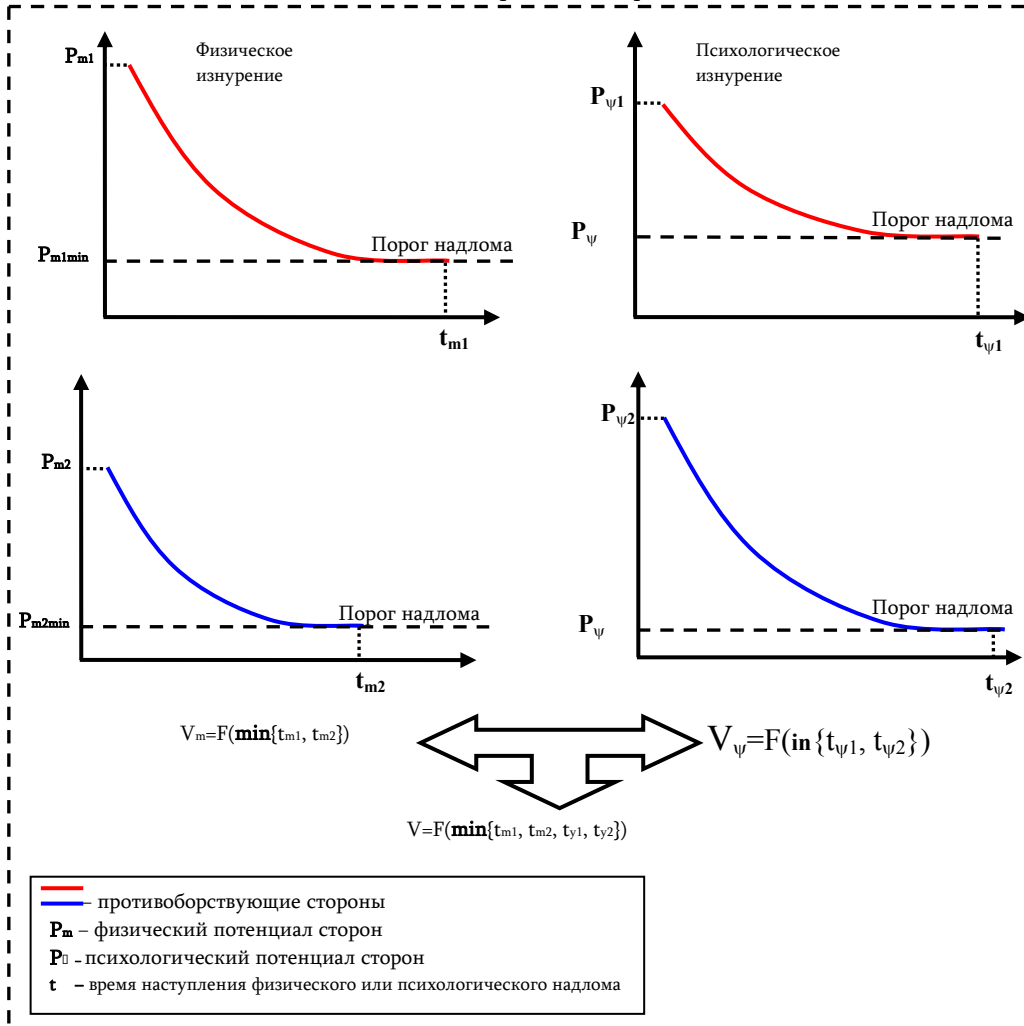
1.4. Асимметричные войны и модели конфликта

1.4.1 Асимметричные войны

Одной из причин, стимулировавших появление новых теорий и концепций войны, является рост в 21 веке числа асимметричных конфликтов¹. В рамках данной работы не представляется возможным подробное рассмотрение проблемы асимметрии и асимметричных конфликтов. Асимметрия, чаще всего, определяется через масштаб боевых действий, стратегию и вооружение, хотя должна быть рассмотрена скорее в терминах асимметрии воли и средств (*will and means*). С данной точки зрения широкомасштабные войны 20 века были, во многом, симметричными (*Рис. 1.*), так как все стороны конфликта имели возможности и волю восстанавливать военный потенциал, и проигрыш отдельной кампании или сражения не приводил немедленно к поражению в войне. Это означает, что симметричным конфликтам присуща стратегия физического изнурения, когда через постепенное уменьшение физических возможностей противника вести войну, добиваются психологического надлома и потери воли к сопротивлению, приводящие к капитуляции и отказу от продолжения вооруженной борьбы.

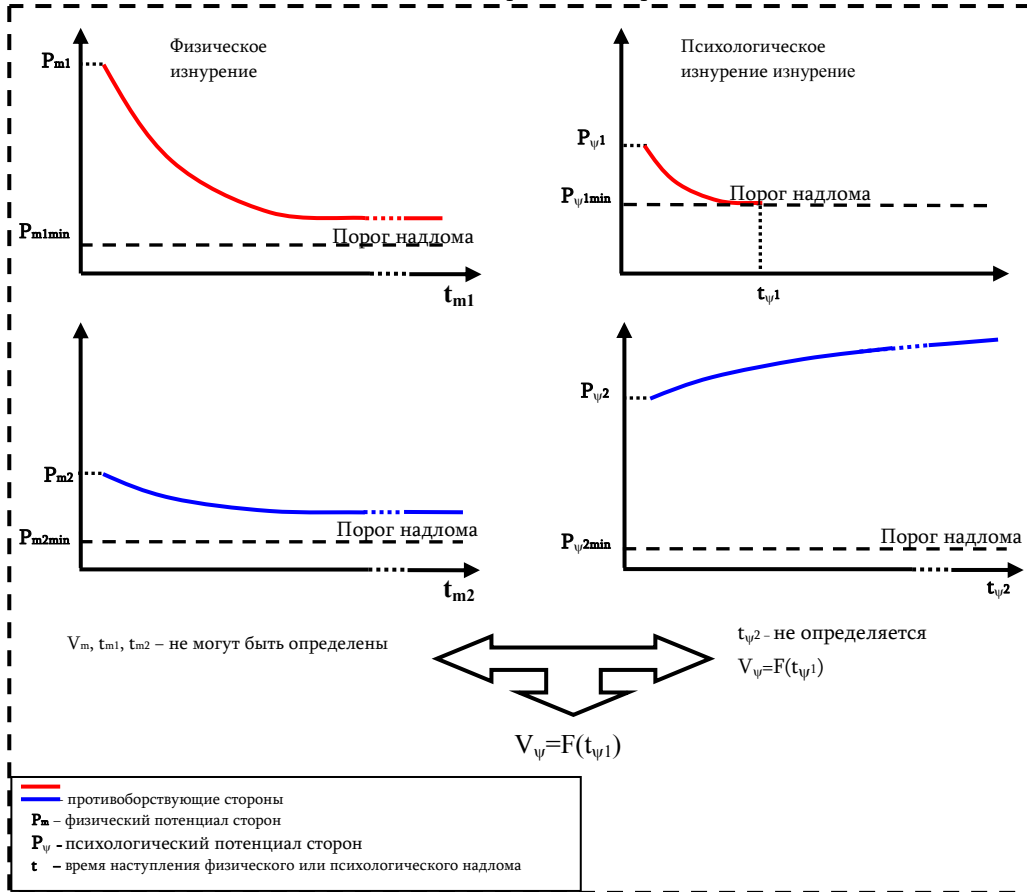
¹ Библиография по асимметричным конфликтам: A Bibliography of Asymmetric Warfare, compiled by *Joan T. Phillips*, 5 December 2007. <<http://www.au.af.mil/au/aul/bibs/asw.htm>>; Asymmetric Warfare and the Revolution in Military Affairs (RMA), 5 December 2007. <<http://www.comw.org/rma/fulltext/asymmetric.html>>.

Рис. 1. Симметричный конфликт

Большинство конфликтов 21 века имеет другую форму и контекст (Рис. 2). Чаще всего одна из сторон имеет качественно больший военный потенциал и возможности вести войну, но при этом обладает ограниченной волей и стимулами ее вести. Это во многом связано с тем, что конфликты, чаще всего, протекают далеко от границ страны, имеющей больший военный потенциал, и у вооруженных сил отсутствует сильная психологическая мотивация, связанная с защитой территории своего государства. В противоположность этому другая сторона имеет ограниченные возможности и военный потенциал, но сильную мотивацию и волю к сопротивлению и борьбе. Таким образом, мы имеем две различные асимметрии – асимметрию средств и асимметрию воли.

Рис. 2. Асимметричный конфликт

Так как успешная война предполагает, в том числе, создание и использование асимметрий, держава, имеющая неоспоримое превосходство в военном потенциале и физических возможностях вести войну, стремится свести ее к войне на физическое изнурение. Такая стратегия, если удастся ее навязать противной стороне, позволяет быстро разрушить физические возможности противника вести боевые действия и добиться победы. Стратегия противоположной стороны заключается в навязывании сильной стороне своей стратегии. Понимая свою неспособность успешно противостоять противнику в широкомасштабной войне, она старается использовать свое преимущество в воле, стремясь добиться победы посредством психологическое изнурения противника. При этом широко используются возможности СМИ, методы информационной войны, тактика нанесения ударов вне основного театра военных действий и пр. Другими словами, используются все доступные методы,

направленные на разрушение публичного консенсуса в обществе относительно войны. В этом случае резко возрастает место и роль ОДЭ-операций, важнейшим элементом которых является психологическое изнурение и человеческий фактор [54, pp. 6-8].

Рассмотренная выше проблема асимметричности иррегулярных операций и войн не нова и имеет, как минимум, 60-летний опыт¹. В 21 веке появляются новые факторы, делающие необходимым внесение корректив в существующие концепции проведения антиповстанческих операций (*COIN*)². В 21 веке иррегулярные группировки имеют возможность использовать уязвимости глобального мира, нетрадиционные боевые технологии, в том числе и смертников, широко используя преимущества новой эпохи, – мобильность, пористость и прозрачность границ, электронные СМИ, Сеть и т.д.³ Очевидно, что иррегулярные силы не могут нанести серьезный ущерб материальному базису атакуемого общества и говорить о военной победе в традиционном смысле данного слова не приходится. Речь идет о психологическом изнурении общества и пси-войне, имеющей свои законы, которые должны принимать в расчет атакующая сторона. В частности, слишком эффективная атака может привести к противоположному эффекту и вызвать консолидацию в атакуемом обществе, которая даст политическому руководству карт-бланш на продолжение широкомасштабной войны. Именно такую реакцию можно было наблюдать в американском обществе после 11 сентября, легитимизировавшего военные операции в Афганистане и Ираке, или в российском обществе после террористических атак в Москве.

Таким образом, в условиях качественных изменений характера и формы войны в 21 веке появляется настоятельная необходимость в ревизии существующих и разработки новых моделей конфликта⁴.

¹Смотри, например, [39].

²Последние разработки по проблеме в США можно найти в [63, 64]. В октябре 2007 года было выпущено новое руководство «Антиповстанческая деятельность для политиков правительства США: рабочий проект» [64], представляющее собой учебное пособие для политиков высокого уровня и лиц, занимающихся разработкой внешней политики и стратегии США. В отличие от устава, руководство написано не военным языком, не является академическим документом и комбинирует современную теорию антиповстанческой деятельности и опыт США, Великобритании и Австралии последних лет. Это первая серьезная попытка правительства создать фрейм антиповстанческой деятельности национального масштаба со времени администрации Кеннеди.

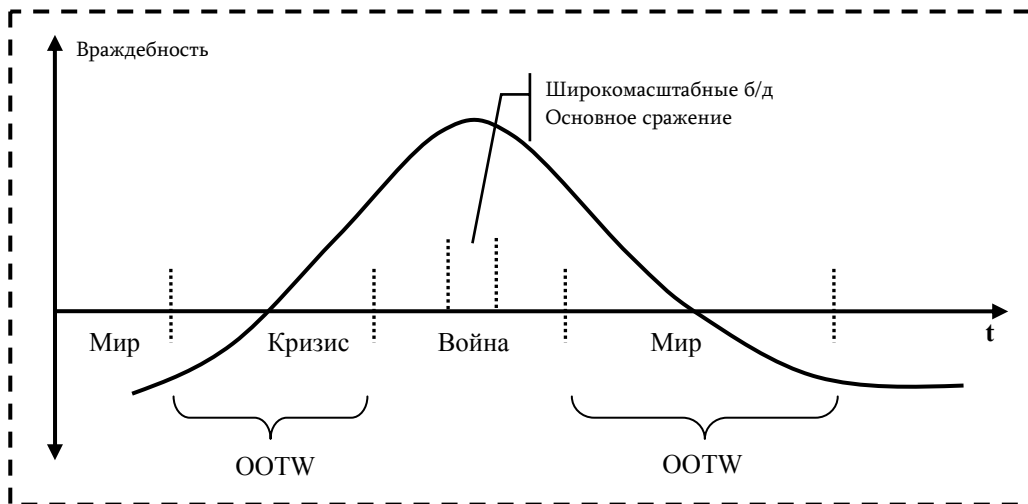
³Смотри, например, [38, 21].

⁴Модели войны рассматриваются в [54, pp. 9-33].

1.4.2. Модели конфликта

Традиционная линейная модель конфликта. Линейное мышление холодной войны, особенно в США, имело тенденцию делить конфликты на две категории «большая война» (“*major war*”) и «операции, иные, чем война» (“*operations other than war*” (ООТW))¹ (Рис. 3). Дихотомия выстраивалась на предположении, что малые угрозы могут быть преодолены малыми военными усилиями и с использованием того же инструментария, что используется при разрешении крупных конфликтов.

Рис. 3. Традиционная линейная модель конфликта

Данное разделение во многом является следствием европейской модели войны, продолжающей оформлять западное военное мышление и общественное мнение. Ее появление можно отнести к середине 17 века, и война здесь представляется как активность государственных акторов. Начало войны в данном случае определяется довольно четко – это ее формальное объявление и последующее начало боевых действий между армиями воюющих стран. Причем повстанческие войны, которую вели, например, испанские партизаны против французской оккупации между 1803 и 1810гг., рассматривались скорее как недопустимые отклонения, нежели как приемлемая форма войны. Как только одна из сторон, участвующих в войне, проигрывала решающее сражение или оказывалась не в состоянии продолжать боевые действия, военные действия прекращались и наступало перемирие. Затем подписывался мирный договор, население государств возвращалась к обычной жизни и враждебность, неотъемлемый атрибут войны, постепенно сходила

¹ Основные понятия ООТW можно найти в [59]. Библиография по ООТW. 5 December 2007. <<http://www.au.af.mil/au/aul/bibs/mootw/mootw3.htm>>

на нет. Другими словами, чтобы достичь победы в войне необходимо было нанести поражение армии противника.

В рамках традиционной модели войны была разработана соответствующая правовая база, имелись четкие и понятные временные диапазоны перехода взаимоотношений между государствами из состояния мира к войне, подкрепленные соответствующими процедурами из международного права, которые соблюдались, в той или иной степени, всеми участниками конфликта. Международное право нормировало состояние мира, угрожаемый период, проведение боевых действий, подписание мира и пр. Также существовал свод норм, регламентирующих поведение вооруженных сил в мирное время. переход страны в состояние войны, включая условия, которые создавали почву для рассмотрения войны, будущей или уже начавшей, в качестве легальной и справедливой как с моральной, так теологической точки зрения (*“just war”*). Данные критерии и обоснования можно уже встретить в работах Блаженного Августина [50], и те же принципы лежат в основе работы СБ ООН. И сегодня нормативная база международного права продолжает сопровождать войну и кризис, хотя очевидно, что данная традиционная модель конфликта в чистом виде применялась более чем редко. В истории можно найти многочисленные исключения, связанные, например, с колониальными войнами или войнами с неевропейскими государствами. Однако модель задавала фрейм, позволяющий определить границы дозволенного и недозволенного и давать оценку сторонам конфликтам, войне и наступившему миру¹.

«Трехблочная война». Бывший командующий корпусом Морской пехоты генерал Чарлз Крулак (*Charles Krulak*) предложил термин «трехблочная война» (*three block war*) для иллюстрации сложности современных военных операций [34, pp. 139-142]. В одном блоке такой войны морские пехотинцы выполняют гуманитарные операции, включая, например, помощь местному населению. В другом разделяют локальные противоборствующие группировки, стремясь поддержать хрупкий локальный мир. И в третьем блоке они должны вести жесткие боевые действия. Дополнительная сложность заключается в том, что вы должны действовать одновременно во всех трех блоках и зачастую на одной и той же местности или даже населенном пункте. В этом случае все три блока оказываются переплетенными и влияющими друг на друга, а переход от одной формы боевых действий к другой может происходить внезапно. Это создает тактические и даже операционные проблемы, так как командиры всех звеньев вынуждены принимать быстрые и зачастую не-

¹ Краткое описание правового базиса применения силы, международного военного законодательства и проч. можно найти в [48].

стандартные решения. Описанная выше сложность привела к появлению понятия «стратегический капрал», когда молодой боец на передовой вынужден, порой, принимать тактические решения, оказывающие влияние на стратегическом уровне [35].

В описанной выше среде становится сложным и просто невозможным проводить разницу между гражданским населением и комбатантами, что затрудняет или даже исключает применение артиллерии или воздушных ударов. В этих условиях логика выживания и законы асимметричной войны вынуждают сторону, имеющую военное превосходство, отойти от парадигмы войны 17 века, ведущей к потерям, подавлению боевого духа и, в конечном счете, поражению. И, аналогичным образом, противоположная сторона также должна нарушать или игнорировать требования традиционной модели, чтобы получить шанс использовать асимметричную тактику. Таким образом, в стратегических, операционных и тактических интересах обеих сторон, ведущих асимметричную войну, вносить в нее как можно больше сложности. Как следствие, резко возрастают требования к профессиональной и общей подготовке бойцов и командиров, делая критически важным человеческий фактор [54, pp. 25-26]. Дополнительную сложность в ситуацию вносит влияние международной, политической, дипломатической арен.

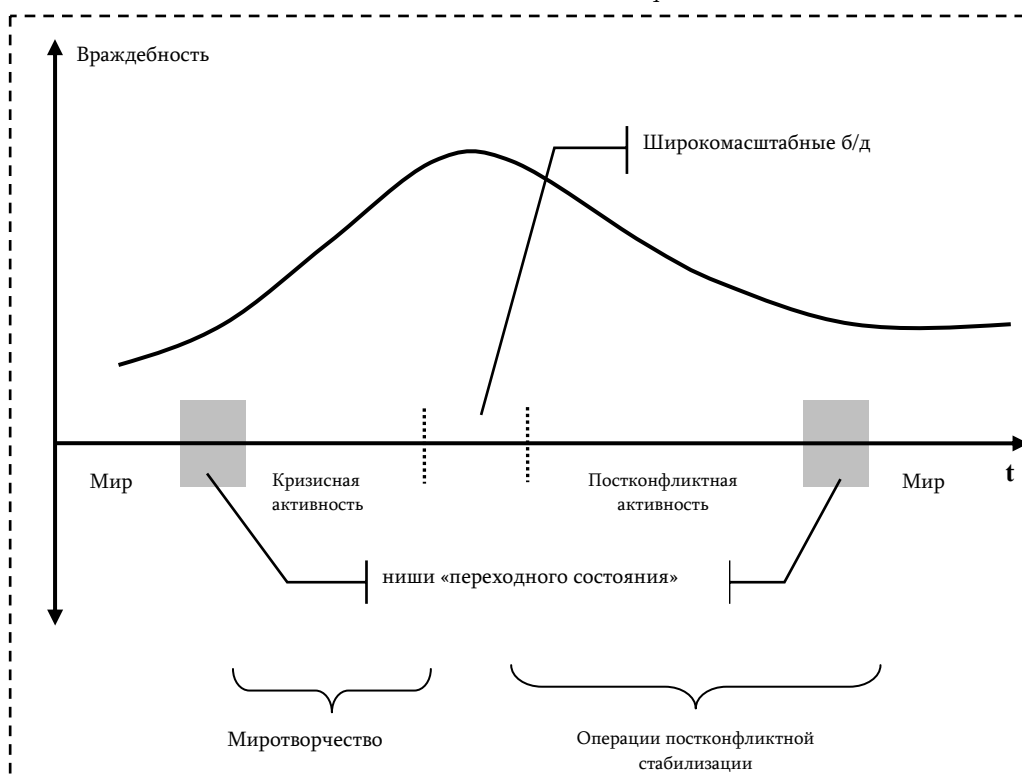
Кроме того, при принятии решений необходимо знать и принимать в расчет не только общую военную ситуацию, военный потенциал, но также и социальный и когнитивный домены противника. Как может думать, планировать побеждать тебя твой противник, каковы семейные отношения, отношения между социальными, политическими и религиозными группами и кланами. Какие проблемы существуют между различными регионами страны, в обществе и народе в целом и т. д.¹. В такой сложной и быстро изменяющейся среде принимающий решения должен быть готов к нестандартным и быстрым решениям. Причем решения принимаются, чаще всего, на нижних этапах системы управления, так как скорость процессов исключает привлечение экспертов или более подготовленного вышестоящего командного состава. Действовать или продолжать сбор дополнительной информации, рискуя потерять саму возможность выбора и реализуя наихудший сценарий².

¹ Применительно к иракской войне данные проблемы рассматриваются в [55, p.13].

² Из выступления Епископа Артемия. «В деревне Церница, близ Гнилане, Миомир Савич, учитель из этой деревни, сидел однажды перед маленьким сербским кафе со своими друзьями. Албанские террористы бросили бомбу в кафе и убежали. Бомба взорвалась и тяжело ранила Миомира. Из его раненных ног вытекло много крови. Люди попытались помочь ему, но как только появились солдаты американского КФОР-а, они всем запретили подходить к нему. ... Даже прибывшие албанские сотрудники скорой помощи из Гнилане – хирург и три медсестры – просили у КФОР-а разрешения подойти и помочь Миомиру, но КФОР был неумолим. ... По прошествии двух с половиной часов ... из военного лагеря Бондстил прибыл вертолёт с медицинской помощью, но было уже слишком поздно, и Миомир, окружённый американскими солдатами, умер» [77].

Нелинейная модель конфликта. Хотя старая модель продолжает доминировать в нашем мышлении, тем не менее, уже в 20 веке война зачастую развивалась в рамках другой модели, когда, например, нападение и начало боевых действий предваряет объявлению войны. Можно сослаться на атаку Японии Порт Артура в 1905 и Перл Харбора в 1941, нападение Гитлера на Польшу в 1939г. и СССР в 1941г.. В конце 20 века большое количество конфликтов не заканчивается подписанием мира, и они продолжают тлеть в состоянии «ни войны ни мира» или «замороженного конфликта». Такого рода войны и кризисы весьма условно можно соотнести с формализованным сводом правил и правовым полем традиционной модели. Выделение каких-либо этапов и тем более переходов между ними становится весьма проблематичным и большая часть войн 21 века весьма условно может быть интерпретирована как «правильные войны».

Рис. 4. Нелинейная модель конфликта

Вместо дискретного множества состояний новая модель предполагает континуум соперничества и конфликта (Рис. 4.), в котором находят свое место все усилия нации, включая и весь доступный ей инструментарий по сдержива-

ванию и устрашению противника, – от демонстрации военной силы до ее локального применения. Переход от мира к кризису или от кризиса к войне не только не является четким, но представляет собой отдельную нишу «переходного состояния», обладающую собственной логикой и своими уязвимостями. Сторона, придерживающаяся новой модели и знающая о существовании ниши, может попытаться использовать ее – возможность, которой лишена сторона, продолжающая оставаться в рамках старой модели [54, pp. 11-15].

В новом мире иррегулярных и асимметричных войн становится невозможным выделить точку, в которой начинается или заканчивается враждебность противоборствующих сторон. Враждебность, являющаяся атрибутом этапа «состояние войны» в старой модели, теперь охватывает весь континуум кризиса. Внутри данного состояния мы еще в состоянии выделить, с той или иной степенью достоверности, начало и конец больших военных операций, однако конец широкомасштабных боевых действий уже не означает конец враждебности.

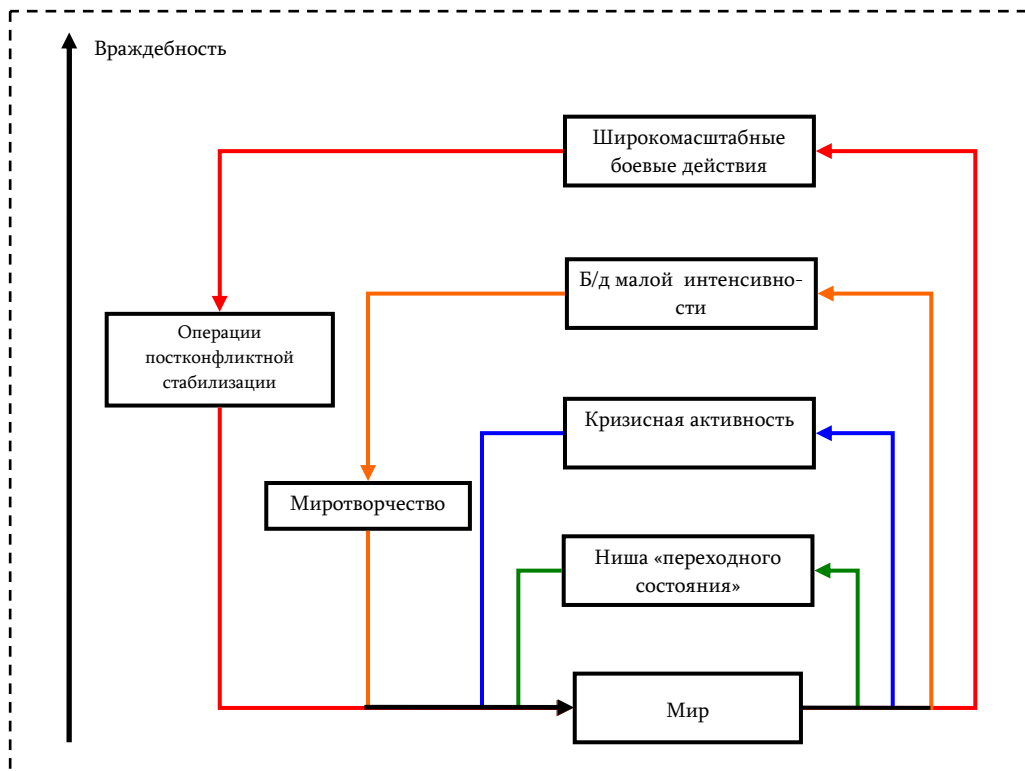
Таблица 1

Сравнение традиционной и нелинейной моделей конфликта

Традиционная модель конфликта	Нелинейная модель конфликта
Нации-государства против наций-государств.	Нации-государства против негосударственных акторов.
Альянсы.	Коалиции, международные организации.
Декларация войны.	Нечеткий переход к войне.
Враждебность сосредотачивается между военными противоборствующих сторон.	Враждебность разливается по всему обществу.
Мир, кризис, война.	Континуум операций.
Четкая правовая база и правила войны.	Противоречивые правила и правовая база, соблюдаемые только одной стороной.
Раздельные усилия военных и гражданских властей.	Координированные усилия всей нации.
Основная арена – физическое поле боя. В фокусе физическое изнурение противника.	Основная арена пси-противоборство. В фокусе электронные медиа и психологическое изнурение противника.
Победа является результатом победы в решающем сражении.	Победа является результатом нанесения политического поражения противнику.
Победа есть результат разгрома войск противника.	Победа становится результатом отсутствия выбора (опций) у противника или надлома воли, с последующим отказом от борьбы.

Более того, противник скорее «адаптируется» к поражению в конвенциональной войне и переходит к другим формам войны и враждебности, и данный процесс продолжается до тех пор, пока не иссякнут имеющиеся в его распоряжении опции или не произойдет надлом воли. Нелинейная природа сложных адаптивных систем, описывающих функционирование данной модели, приводит к тому что «операции пост конфликтной стабилизации» (*post-conflict stabilization operations*) превращаются в ряд циклов, завершение которых можно определить достаточно условно и, чаще всего, только ретроспективно. Симптомами успешности проводимой операции могут служить приемлемый уровень нестабильности и постепенное уменьшение враждебности. Сравнение традиционной и нелинейной моделей конфликта дано в Таблице 1 [54, р.11].

Рис. 5. Циклический континуум конфликта

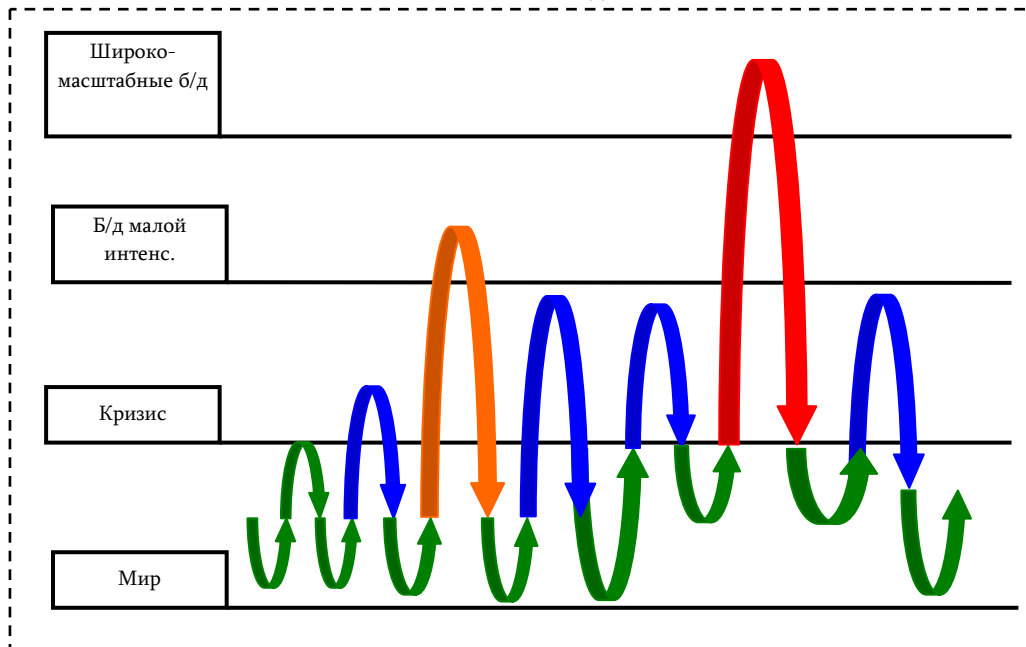

Сложность, описанная выше, во многом связана с взаимозависимостью и взаимодействиями элементов в системе, в рамках которой описывается новая модель. Здесь действия (реакции системы) сегодня через цепи обратной связи и среду влияют на ее последующие действия. Как следствие, рассмат-

ривая конфликт и его континуум, мы должны говорить в качестве метафоры не о прямой линии, но цикле и даже серии циклов (Рис. 5.), причем циклы необязательно отражают только широкомасштабные боевые действия. Например, внутренний цикл может быть связан с движением от мира к некоторым формам взаимодействия в нишах переходного состояния и попыткам снизить нестабильность, перейти от режима устрашения к переговорам или дипломатическим контактам. Второй цикл может отражать развитие некоторой формы кризиса – гуманитарного, экономического, политического или военного с возвращением к некоторым формам мира, в том числе и использованием миротворческих инициатив. Следующий может отображать кризис с сопровождающийся военными действиями малой интенсивности. И, наконец, самый большой внешний цикл может включать широкомасштабные боевые действия и соответствующий уровень враждебности.

Рассмотренная выше модель, опирающаяся на теорию САС, наглядно показывает, что в ее рамках некорректно говорить о возврате к статус-кво, так как начавшийся цикл неизбежно изменяет исходные параметры и вернуться к начальному состоянию становится невозможным. Метафорой кризиса и конфликта становится спираль взаимодействий с циклами изменяющимися как по амплитуде, так и по шагу, в соответствии с масштабом, скоростью и природой взаимодействий, которые в него включены (Рис. 6.).

Рис. 6. Спиральный континуум конфликта

Циклический взгляд на развитие кризиса и общества в целом не есть что-то новое, и мы видим аналогичные взаимозависимые циклы в истории¹. Влияние так называемых длинных или «кондратьевских» волн [78] на военную сферу известны достаточно давно. Именно с данной циклическостью многие авторы связывают 45-50-летние циклы больших войн в истории Европы [20]. Например, период, начиная с Версальской конференции, «завершившей» Первую мировую войну, представляет собой последовательность кризисов различной интенсивности и природы, приведших, в конечном счете, к Второй мировой войне. Насколько данный ход событий был объективен и предопределен и насколько он является следствием политических или экономических просчетов уже в процессе развития кризиса в данном случае является не столь важным. Например, Версальская конференция навязала Веймарской Германии, такие унижающие экономические и военные условия, которые не могли не привести к коллапсу немецкого среднего класса и появлению Гитлера и нацизма, как специфичного отклика на унижение и Великую Депрессию [68, pp. 501-510].

Новая континуум-модель и военная реальность 21 века подводят к выводу о природе и источниках сложности современных военных операций, которые, так или иначе, оказываются связаны со взаимодействиями: взаимодействия фокусируются больше на человеческом измерении конфликта; взаимодействия целостны и охватывают всю нацию или коалицию; неотъемлемым элементом операции становится международный контекст и процессы, происходящие на международной арене [54, pp. 15-16]. При этом не имеет значения, двигаемся ли мы от эскалации кризиса к большим военным операциям или же рассматриваем стабилизирующий этап и операции по восстановлению мира или миротворческие операции.

Таким образом, императивы 21 века ставят общество перед жесткой необходимостью трансформации военной сферы, без которой оно не имеет шансов соответствовать новой эпохе, ее вызовам и угрозам.

2. Трансформация военной сферы

2.1. Необходимость трансформации.

Трансформация и революция в военном деле

В 21 веке стало очевидным, что императив трансформации военной сферы не есть результат теоретических исследований, но жесткое требование времени. Объективность глобализации не оставляет другой альтернати-

¹ Проблема циклов в военной истории рассматривается у Цымбурского [79].

вы процессу трансформации военной сферы. Достаточно вспомнить пример Франции, которая не смогла использовать свой шанс, и в 1940 году выяснилось, что у нее не было другого. Мир 21 века качественно изменился, он стал сложнее, в нем появилось множество новых, зачастую асимметричных угроз, противостояние которым на основе институтов и концепций индустриального общества оказывается, в лучшем случае, неэффективным или просто невозможным.

Трансформация военной сферы актуальна и для Армении, вынужденной опираться на достижения военной мысли, концепции и организационный опыт других армий и государств. Попытки прямого копирования чужих решений в данном случае изначально оказываются обреченными на провал и не имеют шансов догнать стремительно изменяющийся мир и международную среду безопасности. Успех возможен только через инициирование собственной трансформации, использующий, без сомнения, опыт других стран, но опирающийся на свою, сугубо армянскую военную логику, собственный потенциал и возможности. Очевидно, что на первом этапе такая трансформация будет отставать от подхода, ориентирующегося на прямое копирование чужих концепций, однако она будет обладать необходимым потенциалом для постепенного сокращения разрыва между текущим состоянием военной организации Армении и непрерывно изменяющимися требованиями к ней.

Таким образом, прежде чем инициировать трансформацию военной сферы, необходимо четко представлять и понимать, какие она преследует цели и что мы намерены получить в качестве результата. Недопонимание или концептуальное полупонимание в данном случае является просто недопустимым. Военные реформы без четкого понимания их смысла не являются специфической армянской чертой, и тот же начальник штаба ВМС США адмирал Майк Бурда (*Mike Boorda*) в свое время достаточно резко выразился, сказав, что «было бы прекрасно, если бы вначале у нас была бы какая-то ясная идея, что же мы пытаемся сделать»¹.

В литературе можно встретить два подхода к строительству военной сферы – индуктивный и дедуктивный. Индуктивный сосредотачивается на выявлении слабых мест в военной организации государства, имеющих разрывы и проблемах и затем разрабатывает комплекс мер по их ликвидации. Это традиционный метод решения проблем военного строительства в 20 веке, отталкивающийся, не в последнюю очередь, от процессов, происходящих в военной сфере противника. Можно без преувеличения сказать, что вооруженные силы США и СССР в 70-е и 80-е развивались противной стороной [11, р. 2].

¹ Цитата по [53, р. xx].

Однако в настоящее время среди военных теоретиков уже появилось понимание того, что необходимы изменения в стратегии развития военной организации государств и переход к дедуктивному мышлению и планированию на основе возможностей (*capabilities-based planning*). Планирование на основе возможностей обеспечивает фрейм для понимания вызовов и угроз, перед которыми стоит военная организация государства в 21 веке. В этом случае военное строительство направляют не состояние вооруженных сил противника или собственные проблемы, но вызовы, с которыми сталкивается военная сфера и общество в целом [11, pp. 2-3]. Именно вызовы, а не уже проявившиеся и оформившиеся проблемы и угрозы инициируют и направляют изменения в военной организации государства, создавая необходимые предпосылки для стратегического упреждения, проактивной а не пассивной, рефлексивной стратегии. Очевидно, что планирование на основе возможностей качественно меняет понимание трансформации военной сферы в 21 веке.

Вслед за военными исследователями других стран постулируем, что необходимость трансформации вызвана резким изменением путей, при помощи которых ведутся войны в 21 веке, то есть революцией в военном деле (РВД) (*Revolution in Military Affairs*)¹ [33, 42]. Использование фрейма военной революции позволяет учесть уроки и предостережения предыдущих РВД и облегчает понимание того, как могут развиваться и внедряться новые теории войны. Кроме того, мы получаем возможность понять, действительно ли «революционны» новые концепции или речь должна идти о количественных, но не качественных изменениях. Достаточно ли они новы и обладают ли необходимым потенциалом, чтобы трансформировать военную сферу и привести ее в соответствие с новой средой безопасности.

Наиболее известным и успешным примером плодов действительной военной революции является блицкриг 1940г., позволивший вермахту нанести поражение французской и британской армиям на севере Франции. Блицкриг опирался на две революции. Во-первых, это военно-техническая революция, связанная с появлением новых военных технологий. Во-вторых – непосредственно революция в военном деле, связанная с применением новых технологических возможностей к новой тактике, доктрине и военной организации в целом. Это позволило говорить о новой концепции войны, разрабатываемой на протяжении десятилетий немецким военным гением. Новые военные технологии, включая радио, танки, плотная поддержка наземной операции с воздуха были доступны обоим сторонам, участвующим в борьбе. Более того, британские и французские армии были вооружены гораздо лучше, нежели гер-

¹ Библиография по революции в военном деле. 5 December 2007. <<http://www.comw.org/rma/index.html>>

манская. Однако вермахт комбинировал военные технологии с новой, более мобильной концепцией войны, на основе которой были организованы вооруженные силы и подготовлены военные кадры. Это позволило ему достичь качественного превосходства и добиться победы в военной кампании [41, 46].

Пример поражения Франции и Британии в 1940 году приводит к двум выводам, которые могут быть применены к любой РВД или трансформации [53, pp. xxv-xxvi]:

1. во-первых, наличие новых военных технологий, каким бы эффективными они ни были, является недостаточным, чтобы можно было говорить о РВД. До тех пор, пока новые технологические возможности не получают свое отражение в новой концепции войны, военной доктрине и военной организации государства в целом, они практически бесполезны. Тот факт, что новые технологии работают и даже могут быть эффективны в рамках «старых и проверенных» военных доктрин может сыграть даже отрицательную роль и привести к своего рода «заговору» старых подходов, результатом которого, неизбежно, становится поражение;
2. во-вторых, любая успешная РВД должна выходить за пределы тактического уровня и иметь операционную и стратегическую размерности. На тактическом уровне линия Мажино работала блестяще, вермахт не пытался штурмовать ее и фортификации остались в боеспособном состоянии вплоть до подписания французской стороны капитуляции. Блицкриг изначально, на стратегическом уровне, рассчитывал и достиг психологического шока, приведшего к коллапсу и параличу воли французского политического и военного руководства. Франция капитулировала, хотя имела необходимые ресурсы для сопротивления и могла продолжить борьбу, опершись на военные силы в Северной Африке.

Чтобы добиться преимущества над противником, РВД может обратиться к старым формам ведения войны, в расчете, что последний окажется не в состоянии адаптироваться к ним. Именно так поступил Северный Вьетнам и генерал Во Нгуен Зиап (*Vo Nguyen Giap*) [44, 45], адаптировавший принципы партизанской войны Мао Цзед Дуна [57, 51] для организации сопротивления США во вьетнамской войне. Концепция партизанской война требовала минимума новых технологий и позволяла избегать широкомасштабных боев индустриальной эпохи, которые блестяще вели вооруженные силы США. Стратегия Северного Вьетнама сосредоточилась на организации длительной малой войны и изматывании противника, ставя целью скорее подавление воли американского общества, нежели нанесение физического урона. При-

чем, в отличие от блицкрига 1940 года, широко использовавшего новые военные технологии, успех был достигнут за счет применения асимметричной концепции войны. Революционность, таким образом, была связана не с технологиями, другими военными средствами и возможностями, но стратегией и формой войны позволившими успешно противостоять несравненно более сильным и оснащенным вооруженным силам США.

Данное различие между технологиями и военно-технической революцией [33], с одной стороны, и концепциями и революцией в военном деле с другой, является важным для понимания природы трансформации в 21 веке. Надо понимать, что технологические возможности новой эпохи могут быть использованы и противником – точно так же, как радио, танки или авиация не были монополией Германии в 1940. В 21 веке каждая из наций в состоянии реализовать свою уникальную военную революцию, опираясь при этом на весь доступный мировой опыт и возможности, – как технологические, так и концептуальные. Более того, для технологического обеспечения РВД не обязательно иметь в своем распоряжении новейшие военно-технические достижения, и революция может быть доступной, с финансовой точки зрения, если имеется понимание необходимости трансформации и готовность ее инициировать [53, pp. xxix-xxx].

2.2. Трансформация и новые теории и концепции войны

В книге «Трансформация информационной эпохи: на пути к войскам 21 века», доктор Дэвид Альбертс (*Dr. David Alberts*) описывает трансформацию как «процесс возрождения, адаптации к среде» [2, p. vii], инициированный как изменениями в технологии, так и в среде безопасности.

Министерство Обороны США определяет Трансформацию как: *Процесс, который оформляет изменяющуюся природу военного соперничества и кооперации через новые комбинации концепций, возможностей, людей и организаций, использующий преимущества нашей нации и защищающий от наших асимметричных уязвимостей, обеспечивающий наши стратегические позиции, помогающий укрепить фундамент мира и стабильности в мире* [61, p. 3].

Трансформация становится новым источником власти, опирающимся на сетевую мышление и поведение. Если в 20 веке военное мышление было ориентировано на оценку боевых возможностей войсковых соединений на основе мощи боевых единиц, платформ в нее входящих, в 21 веке происходит постепенный сдвиг, когда решающим становится способность как отдельной боевой единицы, так войскового соединения, военной организации в целом работать в сети и демонстрировать сетевое поведение. Другими словами, военное мыш-

ление в 21 веке имеет тенденцию становиться сетевым.

Трансформация создает новые источники власти ... Одним из таких источников является обмен информацией через устойчивые сетевые структуры (*robust network structures*). Мы имеем множество фактов – из моделирования, экспериментов и опыта реального мира, подтверждающих власть сетевого поведения ... Каждое из усилий Министерства (Обороны США) отражает понимание этого явления ... Данные усилия отражают продолжающийся сдвиг от ориентированного на платформы (*platform-centric*) мышления к сетевому (*network-centric*), являющегося ключевым моментом трансформации [10, p. 42].

Данный вывод ведет к пониманию того, что какие-либо дискуссии вокруг трансформации неизбежно требуют рассмотрения теории сетецентричной войны (СЦВ) (*Network Centric Warfare*). В отдельной работе мы вернемся к данному вопросу, ограничившись здесь только определением СЦВ. Отчет МО Конгрессу в 2001г., давший старт исследованиям в области СЦВ рассматривает влияние сети и сетевого мышления на три домена войны (физический, информационный и когнитивный) с целью «генерирования возрастающей боевой мощи через: лучшую синхронизацию на поле боя; достижения большей скорости командования; и увеличения летальности, выживаемости и оперативности» [60, pp. 3-10].

В своей известной книге «Сетевая война, развивать и усиливать информационное превосходство» Дэвид Альбертс (*David Alberts*) и другие дают следующее определение СЦВ: *СЦВ касается человеческого и организационного поведения. СЦВ базируется на новом образе мышления, сетевом мышлении, и применяет его к военным операциям. СЦВ фокусируется на боевой мощи, которая может быть результатом эффективной организации связывания (*linking*) или сети (*networking*) военной организации (государства), ведущей боевые действия. Она характеризуется способностью географических рассредоточенных сил создавать высокий уровень осведомленности о разделенном пространстве боя (*shared battle space awareness*), которая может быть использована для выполнения намерений командования через самосинхронизацию и другие сетевые операции. СЦВ обеспечивает скорость командования и управления (*speed of command*), конверсию позиции информационного превосходства в действие. СЦВ является транспарантным относительно миссии, размера сил и географии. Более того, СЦВ обладает потенциалом содействия слиянию тактического, операционного и стратегического уровней войны. Вкратце, СЦВ касается не только, узко, технологий, но имеет более широкий смысл и имеет отношение к появляюще-*

муся отклику на Информационную эпоху [1, р. 88].

Чтобы быть полным, концептуальный базис понимания войны и мира в информационную эпоху, должен быть дополнен подходом, ориентированным на достижение эффектов (*Effects-based approach*) (ОДЭ-подходом)¹. ОДЭ-подход, подробное рассмотрение которого также планируется провести в рамках отдельной работы, фокусируется на наиболее сложном измерении войны и глобального общества, – человеческом, служа фреймом для понимания и формализации проблем в сфере безопасности в терминах теории сложных адаптивных систем [54, р. 5].

Сетецентричные операции (СЦО), проводимые на основе сетецентричных войн и операции, ориентированный на достижение эффектов (ОДЭ-операции) на основе ОДЭ-подхода, безусловно связаны с технологическим базисом войны. Тем не менее, они могут и должны быть применены на основе имеющихся в распоряжении нации технологических возможностей. При этом трансформация и разработка новой концепции войны, как ее неотъемлемая часть, должны восприниматься и рассматриваться скорее как эволюция военной сферы, нежели революция.

Важно понимать, что трансформация является непрерывным и развивающимся процессом [12, р. 43], для которого динамика является одним из определяющих атрибутов. Более того, сама концепция трансформации изменяется и уточняется по мере развития для ее приведения в соответствие с изменениями как в военной организации, так и в международной среде безопасности. Это тем более важно, если принять во внимание, что в 21 веке проблемы безопасности и даже военной безопасности перестают быть задачами и функциями только Министерства обороны и военной организации государства, но охватывают практически все общество. Чтобы быть адекватными мы должны отказаться от реактивной, рефлексивной стратегии реагирования на изменения в среде безопасности [11, р. 2]. Стратегия и политика военного строительства должны становиться про-активными и адаптивными, предполагающими упреждение и инициативу. Такое качественное изменение в мышлении не может не сказаться как на самой структуре военной организации государства, так и функции отдельных ее элементов.

Инерционность западного военного и политического мышления приводит к тому, что восприятие войны и военной сферы остается, во многом, линейным, несмотря происходящие качественные изменения в мире [75, рр.

¹ Библиография по ОДЭ-подходу. Air University. Effects-Based Approaches to Operations Bibliography. Compiled by Stephen B.T. Chun, Bibliographer, Muir S. Fairchild Research Information Center, Maxwell AFB, AL, 2007. 5 December 2007. <<http://www.au.af.mil/au/aul/bibs/ebo06.htm>

35-77]. Как следствие, также линейным остается и восприятие процессов трансформации военной сферы, когда военная мысль предпочитает сосредотачиваться на существенно линейных задачах, как-то тактика больших вооруженных операций. Однако данный подход оказывается совершенно неприемлемым для сложной среды безопасности 21 века и подводит нас к выводу, что важнейшей частью трансформации военной сферы должно стать изменение, «трансформация» военного мышления и сознания.

Это, в свою очередь, означает неизбежные изменения в военной культуре, охватывающие, в частности, военное образование, систему подготовки и переподготовки военных кадров и пр. [12, р. 48]. Трансформация, так или иначе, начинается и заканчивается в культуре и получает свое отражение в системе ценностей общества, поведении его членов. Во что верит народ, каково его видение своего будущего, – все это, безусловно, сказываются на трансформации и процессах, которые она инициирует [11, р. 3].

2.3. Метрика трансформации

Изменяющееся лицо войны все более приобретает черты своей эпохи, вынуждая нации и государства соизмерять новые формы войны со своим культурным наследием. Появление сетевого поведения и его проникновение в военную организацию, доктрину, стратегию современных армий неизбежно изменяет характер войны и требует разработки новой метрики, которая позволила бы оценить эффективность вооруженных сил в 21 веке. Цибровски предлагает использовать на первом уровне метрику, описанную ниже [11, pp. 5-7]. Она определяет доступ, скорость, восприимчивость, мобильность и степень сетевой организации (*access, speed, distribution, sensing, mobility, and networking.*), не зависит от масштаба и может быть применена как на тактическом так и оперативном и стратегическом уровнях войны, как непосредственно к конфликту, так и к угрожаемому периоду и периоду эскалации конфликта.

Метрика позволяет оценить способность вооруженных сил: создавать и сохранять возможности выбора (опции) (*create and preserve options*), развивать высокую скорость транзакций (*develop high transaction rates*), развивать высокую скорость обучения (*develop high learning rates*), достигать превосходящей сложности на масштабе (*achieve overmatching complexity at scale*).

Создание и сохранение выбора (опций). В новую эпоху преимущество зачастую оказывается связанным с возможностями и ценой выбора, имеющегося у народа. Чтобы выжить нация должна быть в состоянии разработать и

реализовывать конкурентоспособную стратегию, в том числе и в военной сфере. Конкурентоспособность, в свою очередь, непосредственно связана с разнообразием возможных путей развития и, следовательно, имеющегося выбора, который есть у страны. Тем самым, наличие выбора, создание необходимых условий для его сохранения и расширения становится необходимым, но не достаточным условием способности страны развиваться, адаптируясь к условиям все возрастающей сложности мира и среды безопасности.

В условиях 21 века оценка боевых возможностей и потенциала страны только в терминах традиционного военного анализа становится рискованным, так как в этом случае из процесса оценки оказывается выключенным этап конкуренции идей, вокруг которых выстраивается военная организация. Исторически сложившаяся и во многом оправданная жесткость и инерционность последних приводит к тому, что военные организации достаточно болезненно относятся к любым попыткам своего реформирования. В этих условиях сама идея возможности и необходимости трансформирования военной сферы встречает сопротивление в среде военных и необходимы достаточно серьезные усилия чтобы преодолеть его. Однако новая эпоха не оставляет иной альтернативы, кроме как быть стремительными и адаптательными во всех вопросах государственного строительства, в том числе и военного. Выключение из рассмотрения этапа конкуренции идей резко сужает возможности выбора и создает предпосылки и условия, когда военная организация нации может потерпеть поражение уже на верхних этажах военного и государственного строительства. В этом случае эффективность самой военной организации оказывается не в состоянии компенсировать просчеты, допущенные на уровне стратегического, государственного или политического планирования.

Высокая скорость транзакций и обучение. Информационная эпоха характеризуется возрастанием скорости всех процессов. В контексте военной сферы это, в том числе, означает и возрастание темпа военных операций. В этих условиях во многом решающим становится критерий времени и «скорость транзакций, которая связывается с количеством акторов, участвующих в обмене и количеством обменов между ними и средой» [11, р. 3]. Высокая скорость транзакций становится важным и даже определяющим элементом в процессах обучения и адаптации и, тем самым, залогом высокой боеспособности.

Кроме того, мы должны говорить и об институциональных транзакциях, создающих условия для институционального «обучения» и трансформации военной сферы в целом. Стагнация в процессах институционального обучения обходится слишком дорого. Как только новые знания встречают препоны и с трудом поступают в военную организацию, страна становится

стратегически фиксированной, а значит и предсказуемой целью, что, безусловно, невозможно скрыть от внешнего мира, наблюдающего и оценивающего наши шаги.

Превосходящая сложность на масштабе. Закон необходимого разнообразия Уильяма Эшби (*William Ross Ashby*) гласит: «Чтобы управление системой было возможно, разнообразие управляющих действий должно быть не меньше разнообразия возмущений на входе в систему» [4, pp. 83-99]. Достаточно краткое описание системных принципов можно найти в [23, pp. 3-10]. Существует и альтернативная формулировка, данная Стэффордом Биром (*Stafford Beer*): «Адекватное управление может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие системы управления, по крайней мере, не меньше, чем разнообразие управляемой им ситуации. Чем больше разнообразие возможных действий системы управления, тем больше разнообразие отклонений, которое она будет в состоянии компенсировать» [7, 8]. Другими словами, только разнообразие может компенсировать разнообразие или только на основе сложности можно адекватно реагировать на сложные вызовы. Понятие разнообразия в данном случае может быть связано со сложностью, под которой понимается количество и разнообразие элементов и связей в рассматриваемой системе. Чем больше будет сложность вооруженных сил, тем больше выбор возможных действий при столкновении со сложными вызовами и противником в сложной среде [5].

Чтобы оставаться адекватными, вооруженные силы должны быть в состоянии адекватно реагировать на сложность, присутствующую на всем диапазоне масштабов действий – от тактического до стратегического. Чтобы побеждать, вооруженные силы должны быть в состоянии обеспечить превосходящую сложность на всем диапазоне, что является нетривиальной задачей. Сложная и меняющаяся среда безопасности требует от военной организации и вооруженных сил страны способности к адаптации и высокой скорости транзакций. При этом надо понимать, что имеются различные размерности сложности. Традиционно поле боя концептуализируется в физических терминах и размерностях, однако наиболее сложные элементы пространства боя – такие, как командование и управление боем, не имеют физической размерности и не поддаются выражению в терминах физического мира. Это приводит к тому, что их важность подсознательно недооценивается. Реалии информационной эпохи вносят дополнительную лепту, добавляя к традиционному полю боя в качестве отдельной размерности информационное пространство, что, безусловно, создает более сложное пространство боя в конфликтах 21 века [11, p. 7].

2.4. Теория сложных адаптивных систем и новые теории и концепции войны

На первый взгляд, существует разрыв между обещаниями новых теорий и бесконечной сложностью среды безопасности. Если как поведение акторов, так и взаимодействие между ними не подлежат точному предсказанию и определяются факторами, часть из которых невозможно предусмотреть, то каким образом можно планировать и выполнять военные операции, прогнозировать действия противника и пр. Не является ли нелинейная модель конфликта и концепции СЦВ и ОДЭ-подхода «мостом в никуда» и целью, находящейся вне пределов досягаемости. Не требуют ли они для своей реализации военного и политического гения, являющегося уникальным случаем в истории, но не нормой, которая позволяет заниматься военным строительством [54, р. 65].

Однако реальность заключается в том, что мы, так или иначе, уже находимся в сложной среде и работаем со сложностью каждый день. Действительная проблема в том, что мы остаемся пленниками линейного мышления и линейных организационных процессов и пытаемся работать с нелинейностью сложной среды безопасности, используя линейную логику и метрику. В любом случае, линейный, базирующийся на традиционную модель конфликта подход, имеет ограниченное применение к асимметричным врагам и нелинейным вызовам новой эпохи. Реалии 21 века требуют формулировки новых вопросов, в частности, как хорошо мы справляемся со сложностью и как использовать имеющееся понимание сложности при планировании, выполнении и оценке военных операций в рамках новых теорий войны.

В этом смысле мы сталкиваемся со своего рода парадоксом, когда понимание сложности и нелинейности войны и новой среды безопасности упрощает общую картину, позволяя провести разграничение. Некоторые из проблем безопасности линейны, предсказуемы и могут быть решены с использованием классических линейных методов. Другая часть не имеет точных решений, и мы должны ограничиваться множеством наиболее вероятных решений. Теория сложности утверждает, что не существует одного совершенного ответа на сложные вызовы и мы должны руководствоваться максимой Аристотеля [76, pp. 55-56]. К аналогичному выводу подводит и военная история и военная теория, недвусмысленно говорящие, что необходимо ограничиваться работающими решениями, применяемыми в нужное время и в нужном месте. Разработка же совершенного, но запаздывающего отклика на вызов не имеет какого-либо смысла и, чаще всего, ведет к поражению. Мы нуждаемся в решении, которое обеспечивает нам преимущество и превос-

ходство над противником, но не в совершенном решении.

Таким образом, теория сложности и военная теория используют один и тот же концептуальный фрейм для работы со сложными вызовами. Это означает, что использование теории САС в военной области является не только возможным, но упрощает ситуацию и позволяет быть более прагматичными. Мы получаем возможность определять какие из проблем поддаются точному решению, а какие нет, и поиск такового лишен смысла. Понимание наших ограничений и возможностей облегчает и упрощает процесс разработки и принятия решений в сложной среде безопасности новой эпохи. Военная история же предоставляет большой эмпирический материал для оценки выводов новых теорий [54, pp. 67-68].

Теория САС упрощает рассмотрение сложных проблем, заставляя использовать приемлемые и работающие стандарты принятия решений. Принятие идеи сложности по контаминации позволяет выделить и отделить сложные явления и аспекты решаемой проблемы от простых. Тем самым ограничивается сложность проблемы, которая рассекается на некоторое множество специфичных задач. Сама сложность при этом, конечно же, остается, но принятый выше стандарт приемлемых решений позволяет выявить множество отдельных решений и повысить вероятность принятия корректных решений [54, pp. 315-316].

Понимание врожденной сложности новых теорий войны, открывает дверь к более быстрым процессам, в которых продуманное и своевременное вмешательство человека становится ключевым элементом успеха [54, p. 93]. Понимание человеко-центричности теории САС и новых теорий войны, позволяет приступить к выявлению под-процессов в процессе принятия решений, не поддающихся линеаризации, для решения которых необходима интервенция человека. Это дает возможность сосредоточиться на проблеме как-ким образом можно повысить эффективность принимаемых человеком решений. Тем самым, понимание и принятие сложности и теории САС упрощает задачу, позволяя нам иметь дело с некоторым множеством проблем и вызовов различной природы и сложности, – не с одной сверхсложной проблемой или вызовом, но серией специфических проблем.

Заключение

Трансформация военной сферы в 21 веке неизбежно охватывает практически все общество и непосредственно все аспекты военной организации государства. Доминирующим паттерном человеческого поведения в новую эпоху становится сетевое поведение, что не может не сказаться как на характере войны, так и поведении военных [11, p. 5] и требует разработки новой, сете-

вой, военной парадигмы, в которой сетцентричность является ключевыми элементом [12, р. 4]. Трансформация военной сферы на основе сетевой парадигмы и теории сложных адаптивных систем требует изменения подходов к проблеме конфликта и разработки новых моделей конфликта и концепций войны, что неизбежно приводит к необходимости постановки и решения новых операционных и тактических задач.

Новые модели конфликта и теории войны не дают быстрого и исчерпывающего ответа на все вызовы новой эпохи, но обеспечивают концептуальный фрейм для оценки военных проблем и проблем национальной безопасности в терминах теории сложных адаптивных систем. Они позволяют работать со сложной средой безопасности 21 века, концентрируясь на самой сложной ее размерности – человеческом измерении [54, pp. 5-6]. В этом смысле новые теории хорошо соотносятся с опытом ветеранов, который может быть оформлен в виде следующей сентенции: «Любая революция в военном деле и любая трансформация должна начинаться с признания сложной и человеко-центричной природы войны» [54, pp. 58-59].

Не вызывает сомнений, что новые теории войны это обоюдоострый меч, который, позволяя добиться большей эффективности, приводит и к большей уязвимости при неграмотных и непродуманных решениях. В данном случае мы имеем дело не с самими ограничениями новых теорий, теоретический базис которых достаточно хорошо проработан, но ограничениями линейного военного мышления, которое неизбежно вносит линейность в новые военные теории, основывающиеся на парадигме нелинейности и пытается свести их только к технологическому измерению [69]. С данной точки зрения, понимание революционности новых военных теорий и концепций является критически важным, так как позволяет понять и учесть ограничения – как технологические, так и концептуальные – и уже в рамках складывающегося контекста и требований среды выстраивать трансформацию военной сферы.

Причем и сама трансформация в 21 веке оказывается сложным процессом, во многих своих аспектах опирающимся на культуру народа его видение мира и требующий внесения изменений в военную культуру. Понимание концептуальных основ трансформации военной сферы в 21 веке позволяет понять, каким образом и на каком теоретическом базисе должна происходить реформа военной организации Армении, призванной привести ее в соответствие с императивами возрожденной армянской государственности и нарождающейся эпохи.

Декабрь, 2007г.

Источники и литература

1. Alberts, David, John Garstka, and Frederick Stein. *Network Centric Warfare, Developing and Leveraging Information Superiority*. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, February 2000. 5 December 2007. <<http://stinet.dtic.mil/oai/oai?verb=getRecord&metadataPrefix=html&identifier=ADA406255>>
2. Alberts, David S. *Information Age Transformation: Getting to a 21st Century Military*. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2002. 5 December 2007. <http://www.dodccrp.org/files/Alberts_IAT.pdf>
3. Anderson, Perry. "Depicting Europe." in London Review of Book (LRB), 20 September, 2007. 5 December 2007. <http://www.lrb.co.uk/v29/n18/ande01_.html>
4. Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Chicago, IL: Britannica Great Books. Volume 8, 1993. – для армянского перевода.
5. Ashby, William Ross. *An Introduction to Cybernetics*. London: Chapman and Hall. 1957; Ashby, William Ross. "Requisite Variety and Implications for Control of Complex Systems." *Cybernetica* 1, 1958. 5 December 2007. <<http://pcp.vub.ac.be/books/IntroCyb.pdf>>
6. Bar-Yam, Yanner. *Complexity of Military Conflict: Multiscale Complex Systems Analysis of Littoral Warfare, Multiscale Representation Phase II, Task 2: Multiscale Analysis of Littoral Warfare*. Report to Chief of Naval Operations Strategic Studies Group, April 21, 2003. 5 December 2007. <http://necsi.org/projects/yaneer/SSG_NECSI_3_Litt.pdf>
7. Bartholomees, J. Boone Jr. "A Survey of Strategic Thought." in Bartholomees, J. Boone Jr., (ed.) *U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy Revisited*, Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 5 December 2007. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/PUB708.pdf>>
8. Beer, Stafford Anthony. *Cybernetics and Management*. English University Press, 1959.
9. Beer, Stafford. *Brain of the Firm: The Managerial Cybernetics of Organization*. Chichester, NY: J. Wiley, 1981.
10. Beyerchen, Alan D. "Clausewitz, Nonlinearity and the Unpredictability of War." *International Security*, 17.3, Winter 1992. 5 December 2007. <<http://www.clausewitz.com/CWZHOME/Beyerchen/CWZandNonlinearity.htm>>
11. Cebrowski, Admiral Arthur K, *Prepared Statement for the Senate Armed Services Committee*, March 14, 2003. 5 December 2007. <http://www.globalsecurity.org/military/library/congress/2002_hr/cebrowski49.pdf>
12. Cebrowski, Admiral Arthur K. "Transformation and the Changing Character of War?" *Transformation Trends*, 17 June 2004. 5 December 2007. <http://www.oft.osd.mil/library/library_files/trends_370_Transformation%20Trends-17%>

- 20June%202004%20Issue.pdf>
13. Cebrowski, Admiral Arthur K. *The Implementation of Network-Centric Warfare*. Washington DC: Office of the Secretary of Defense, 2005. 5 December 2007. <http://www.oft.osd.mil/library/library_files/document_387_NCW_Book_LowRes.pdf>
 14. Churchill, Winston S. *Their Finest Hour*. 2nd ed. London: Hazell, Watson and Viney, Ltd., 1951. Vol. 2 of Memoirs of The Second World War. 6 vols. 1949-1954. 5 December 2007.
 15. <<http://www.winstonchurchillbc.org/images/PDF/Their%20Finest%20Hour%20Britain%201940.pdf>>
 16. Czerwinski, Thomas. *Coping with the Bounds: Speculations on Nonlinearity in Military Affairs*. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2003. 5 December 2007. <http://www.dodccrp.org/files/Czerwinski_Coping.pdf>
 17. Davis, Paul K., David Gompert, and Richard Kugler. *Adaptiveness in National Defense: The Basis of a New Framework*. RAND Report IP-155, Santa Monica, CA: RAND, 1996. 5 December 2007. <http://www.rand.org/pubs/issue_papers/2005/IP155.pdf>
 18. Davis, Paul K. *Effects-Based Operations: A Grand Challenge for the Analytical Community*. RAND Report MR-1477-USJFCOM/AF, Santa Monica, CA: RAND, 2001. 5 December 2007. <http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/2006/MR1477.pdf>
 19. Duggan, William R. *Strategic Intuition: The Creative Spark in Human Achievement (Columbia Business School)*, New York: Columbia University Press, 2007.
 20. Gell-Mann, Murray. "The Simple and the Complex," in Alberts David S. and Czerwinski Thomas J. (eds), *Complexity, Global Politics, and National Security*, National Defense University Press, Washington, DC, June 1997. 5 DECEMBER 2007. http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf
 21. Goldstein Joshua S. *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven: Yale University Press, 1988. 5 December 2007. <<http://www.joshuagoldstein.com/jgcycle.htm>>
 22. Gompert, David C. *Heads We Win. The Cognitive Side of Counterinsurgency (COIN)*. RAND Report OP-168, Santa Monica, CA: RAND, 2007. 5 December 2007. <http://www.rand.org/pubs/occasional_papers/2007/RAND_OP168.pdf>
 23. Hammes, Col T. X. USMC. "War Isn't A Rational Business." *Proceedings of the U.S. Naval Institute*, July 1998. 5 December 2007. <http://www.d-n-i.net/fcs/hammes_netwar.htm>
 24. Heylighen, Francis. "Principles of Systems and Cybernetics: an evolutionary perspective," in *Cybernetics and Systems '92*, Trappl R. (ed.), World Science, Singapore, 1992. 5 December 2007. <ftp://ftp.vub.ac.be/pub/projects/Principia_Cybernetica/Papers_Heylighen/Systems_Principles.txt>
 25. Holland, John. *Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity*, Addison Wesley, Reading, MA, 1995.
 26. Hosmer, Stephen. *The Conflict over Kosovo: Why Milosevic Decided to Settle*

- When He Did*. RAND Report MR-1351, Santa Monica, CA: RAND, 2001. 5 December 2007. <http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1351/>
27. Hourani, Albert. *A History of the Arab Peoples*. Cambridge: Belknap/Harvard Press, 1991. pp. 445-446.
 28. Plichinski, Andrew. *Land Warfare and Complexity*. Part II: An Assessment of the Applicability of Nonlinear Dynamic and Complex Systems Theory to the Study of Land Warfare. Alexandria, VA: Center for Naval Analyses, Research Memorandum CRM-68, July 1996.
 29. Judt, Tony. *Postwar: A History of Europe Since 1945*. Penguin Press, 2005.
 30. Kegley C. W. and Wittkopf E. R. (eds). *The Global Agenda*. New York: McGraw Hill, 5th ed., 1998.
 31. Kennedy Paul M. *The Rise and Fall of British Naval Mastery*. London: MacMillan, 1983.
 32. Klein, Gary. "Strategies of Decision Making," *Military Review*, May 1989.
 33. Krepinevich, Andrew F. "Cavalry to Computers: The Patterns of Military Revolutions." *The National Interest*, Fall 1994. 5 December 2007. <<http://www.encyclopedia.com/doc/1G1-16315042.html>>
 34. Krepinevich, Andrew F. Jr. *The Military-Technical Revolution: A Preliminary Assessment*. Washington, DC, Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2002. 5 December 2007. <<http://www.csbaonline.org/4Publications/PubLibrary/R.20021002.MTR/R.20021002.MTR.pdf>>
 35. Krulak, Gen. Charles C., USMC. "The Three Block War: Fighting in Urban Areas." *Vital Speeches of the Day*. Vol 64, Iss. 5. New York, December 15, 1997.
 36. Krulak, Gen. Charles C., USMC. "The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War." The Commandant's Page, *Marines Magazine*, January 1999.
 37. Lee, Ready J. *World War Two: Nation by Nation*. London: Arms and Armour, 1995.
 38. Leonard, Mark. *Why Europe Will Run the 21st Century*. Fourth Estate, 2005.
 39. Libicki, Martin C, David C. Gompert, David R. Frelinger, Raymond Smith. *Byting Back. Regaining Information Superiority Against 21st-Century Insurgents*. RAND Report MG595, Santa Monica, CA: RAND, 2007. 5 December 2007. <http://www.rand.org/pubs/monographs/2007/RAND_MG595.1.pdf>
 40. Long, Austin. *On "other war": lessons from five decades of RAND counterinsurgency research*. RAND Report MG-482, Santa Monica, CA: RAND, 2006. 5 December 2007. <http://www.rand.org/pubs/monographs/2006/RAND_MG482.pdf>
 41. McCrabb, Maris. *Explaining "Effects": A Theory for an Effects-Based Approach to Planning, Executing and Assessing Operations*. Ver. 2.0. August 7, 2001. 5 December 2007. <http://www.dtic.mil/jointvision/ideas_concepts/ebo.doc>
 42. Messenger, Charles. *The Blitzkrieg Story*. New York: Scribner, 1976.
 43. Metz, Steven, James Kievit. *Strategy and the Revolution in Military Affairs: From Theory to Policy*. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June, 1995. 5 December 2007. <http://www.dtic.mil/doctrine/jel/research_pubs/rmastrat.pdf>

44. Miller, James Grier. *Living Systems*. Denver: McGraw-Hill Professional, 1995.
45. O'Neill, Robert J. *Strategy of General Giap since 1964*. Canberra: Australian National University Press, 1969.
46. O'Neill, Robert J. *General Giap: Politician and Strategist*. New York: Frederick A. Praeger, 1969.
47. Perrett, Byran. *A History of Blitzkrieg*. New York: Stein & Day, 1983.
48. Posen, Barry R. "Command of the Commons: The Military Foundation of U.S. Hegemony." *International Security*, Vol 28, No. 1, Summer 2003. 5 December 2007. <http://www.belfercenter.org/files/posen_summer_2003.pdf>
49. Rawcliffe Maj John (ed.) *Operational Law Handbook (2007)*. International and Operational Law Department, The Judge Advocate General's Legal Center & School, US Army, Charlottesville, Virginia, 2007. 5 December 2007. <<http://www.fas.org/irp/doddir/army/law2007.pdf>>
50. Rosenau James N. "Disorder and Order in a Turbulent World: The Emergence of Globalized Space," in Kegley C. W. and Wittkopf E. R. (eds). *The Global Agenda*. New York: McGraw Hill, 5th ed., 1998.
51. Russell, Frederick H. *The Just War in the Middle Ages*. Cambridge: University Press, 1997.
52. Sarkesian, Sam C. (ed.). *Revolutionary Guerrilla Warfare*. Chicago: Precedent, 1975.
53. Shirer, William L. *The Collapse of the Third Republic, An Inquiry into the Fall of France in 1940*. New York: Simon and Schuster, 1969.
54. Smith, Edward. *Effects-Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis and War*. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2002. 5 December 2007. <http://www.dodccrp.org/files/Smith_EBO.pdf>
55. Smith, Edward. *Complexity, Networking, and Effects-Based Approaches to Operations*. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2006. 5 December 2007. <http://www.dodccrp.org/files/Smith_Complexity.pdf>
56. Terrill, W. Andrew. *Nationalism, Sectarianism, and the Future of U.S. Presence in post-Saddam Iraq*. Strategic Studies Institute. Carlisle, PA: Army War College, 2003. 5 December 2007. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/PUB180.pdf>>
57. Toffler Alvin and Heidi Toffler. *Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave*. Atlanta: Turner Publishing, 1994..
58. Tse-tung, Mao. *Mao Tse-tung on Guerrilla Warfare*. Translation and Introduction by BGen Samuel B. Griffith, USMC (Ret.), New York: Frederick A. Praeger, 1962.
59. Tuchman, Barbara W. *The March of Folly: From Troy to Viet Nam*. New York: Ballantine, 1984.
60. US Joint Chiefs Staff. *Joint Publication 3-07. Joint Doctrine for Military Operations Other Than War*. Washington, DC: United States Department of Defense, 16 June 1995. 5 December 2007. <http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_07.pdf>

61. US Department of Defense. *Network Centric Warfare*, Department of Defense Report to Congress, 27 July 2001. Washington, DC, 2001. 5 December 2007. <http://www.defenselink.mil/nii/ncw/ncw_main.pdf>
62. US Department of Defense. *Transformation Planning Guidance*. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, April 2003. 5 December 2007. <http://www.oft.osd.mil/library/library_files/document_129_Transformation_Planning_Guidance_April_2003_1.pdf>
63. US Army and US Marine Corps. "The U.S. Army/Marine Corps Counterinsurgency Field Manual." Washington, DC, 2006. 5 December 2007. <<http://usacac.army.mil/cac/repository/materials/coin-fm3-24.pdf>>
64. US Department of Defense. *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC)*. Version 1.0, September 2007, Washington, DC, 2007. 5 December 2007. <http://www.dtic.mil/futurejointwarfare/concepts/iw_jocapc.pdf>
65. US Department of State. *Counterinsurgency for U.S. Government Policymakers: A Work in Progress*. Bureau of Political-Military Affairs, Washington, DC, October 2007. 5 December 2007. <[http://www.usgcoin.org/library/USGDocuments/InterimCounterinsurgencyGuide\(Oct2007\).pdf](http://www.usgcoin.org/library/USGDocuments/InterimCounterinsurgencyGuide(Oct2007).pdf)>
66. Vlahos, Michael. "Fighting Identity: Why We Are Losing Our Wars." *Military Review*, November-December, 2007. 5 December 2007. <<http://usacac.leavenworth.army.mil/CAC/milreview/English/NovDec07/VlahosEngNovDec07.pdf>>
67. Waldrop, Mitchell. *Complexity*. New York: Simon and Schuster, 1992.
68. Watts, Barry D. "Clausewitzian Friction and Future War." *McNair Paper* 52, Institute for National Strategic Studies (INSS), National Defence University (NDU), Washington DC, October 1996 (Revised July 2000). 5 December 2007. <<http://www.ndu.edu/inss/McNair/mcnair52/mcnair52.pdf>>
69. Watt, Richard M. *The Kings Depart, The Tragedy of Germany: Versailles and the German Revolution*. New York: Simon and Shuster, 1968.
70. Wilson, Col. (Ret.) G. I., USMCR. "Judo of Fourth Generation Warfare." *Information Warfare Conference*. Washington, DC, 1-3 October 2003. 5 December 2007. <http://www.d-n-i.net/fcs/pdf/4gw_judo.pdf>
71. Wohlstetter, Albert co-Chairmen and Fred C. Ikle. *Discriminate Deterrence, The Report of the Commission in Integrated Long-Term Strategy*. Washington, 1988.
72. Zsombok, Caroline and Gary Klein. *Naturalistic Decision Making*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1997.
73. Андерсон, Перри. «Изображая Европу», *Русский журнал*, 4 октября 2007. Перевод Иосифа Фридмана. 5 December 2007. <http://www.russ.ru/politics/lyudi/izobrazhaya_evropu_chast_1>
74. Арзуманян, Рачья. «Метафора нелинейности в социальных системах», *Научно-образовательный фонд «Нораванк», журн. «21 век», № 2 (4), Ереван, 2004. – С. 123-153*. 5 December 2007. <http://www.noravank.am/file/article/226_ru.pdf>
75. Арзуманян, Рачья. «Нелинейная природа войны», *Научно-образовательный фонд «Нораванк», журн. «21 век», № 1, Ереван, 2005. – С. 109-149*. 5 December 2007.

2007. <http://www.noravank.am/file/article/193_ru.pdf>
76. Арзуманян, Рачья. «Континуум войны и западная военная культура», *Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», № 2 (4), Ереван, 2006, стр. 35-77. 5 December 2007.* <http://www.noravank.am/file/article/19_ru.pdf>
77. Аристотель. Никомахова этика. // Аристотель. Соч. в 4 т. (Философское наследие). М.,: Мысль, 1984, Т. 4., стр. 55-56.
78. Артемий, Епископ Рашко-Призренский и Косово-Метохийский. «НАТО в действии. Случай Косово и Метохии,» международная конференция «Натовский или внеблоковый вектор для Украины: перспективы и риски», Симферополь, Украина, 19-20 сентября 2007года. 5 December 2007. <<http://www.eparhija-prizren.com/defaultR.asp?s=vestiep>>
79. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика. 1989.
80. Цымбурский Вадим Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика – «Полис», 1996, № 3. 5 December 2007. <http://www.intelros.org/books/rythm_ros_3.htm>

TRANSFORMATION OF THE MILITARY SPHERE OF ARMENIA AND THE IMPERATIVES OF THE NEW AGE

Hrachya Arzumanyan

Resume

In the 21st century the transformation of the military field inevitably embraces practically all the societies and all the aspects of the state military organization. Network behavior becomes the dominating pattern of human behavior of the new epoch, which influences both on the character of war and behavior of military men and needs a new, network military paradigm to be worked out in which network-centrism as a key element. Transformation of the military field on the basis of network paradigm and the theory of complicated, adoptive system require changes in approaches to the problem of conflict and working out new models of the conflict and war conception, which is sure to result necessity to set and solve new operational and tactical schemes.

The new models of conflict and war theories don't give quick and irrefragable answer to all the challenges of the new epoch, but ensure conceptual frame to give estimation to military problems and the problems of national security in

the terms of the complicated adaptive system theory. They make it possible to work with the complex environment of the 21st century security, concentrating on its most complicated human dimension. In this sense, the new theories have good correlation with the experience of veterans, which may be shaped in the form of the following maxim: “any revolution in military science and any transformation must begin with recognition of complicated and human-centered character of war”.

No doubt that the new theories of war are a double-edged sword, which makes it possible to have big effectiveness at the same time causing big vulnerability in case of illiterate and unreasoned decisions. In the very case we don't deal with the restrictions of the new theories themselves the theoretic basis of which is quite well worked over, but have dealing with restrictions of the linear military thinking, which is sure to bring linearity into new military theories based on the paradigm of non-linearity and lead them only to technological dimension. From the very standpoint, comprehension of revolutionary character of the new military theories and conceptions is of critical importance as it makes a basis to know and take into account both technological and conceptual restrictions, and draw up transformation of the military field within the framework of the shaped context and wants of the incitement.

At that, the transformation of the 21st century itself is quite a complicated process, in many of its aspects leaning against the culture of a nation, its world vision and demands of alterations in the military culture. Understanding of conceptual basics of transformation in the military field in the 21st century makes it possible to understand how and on which theoretical basis must the reform of Armenian's military organization be effected, called to bring it to conformity with the imperatives of the revived Armenian state system and the new epoch.